

МАЙЯ ЗАРЕВСКАЯ

ХОЗЯЙКА «БЕЛОГО ГРИФОНА»

РАЗВОД В ЧУЖОМ ТЕЛЕ

Майя Заревская

**Хозяйка «Белого грифона».
Развод в чужом теле**

«Автор»

2026

Заревская М.

Хозяйка «Белого грифона». Развод в чужом теле /
М. Заревская — «Автор», 2026

Я уснула перед операцией и очнулась в чужом теле. Муж уже ждал с новостью: у него появилась другая истинная, так что нам нужен развод. Удобно, конечно. Только я даже не помню нашу свадьбу. Дома у меня остались подруга, кот и работа. Здесь — магический мир, титул и гостиница «Белый грифон», у которой гостей меньше, чем долгов. К счастью, я аудитор гостиничного бизнеса. Плохие счета меня пугают, но не настолько, чтобы от них сбежать. Вот невидимые линии в стенах — другое дело. Особенно когда выясняется, что прежняя хозяйка моего тела тоже их замечала. А один слишком внимательный постоялец явно поселился здесь не ради удобной кровати. И чем пристальнее он присматривается к гостинице, тем труднее мне делать вид, что я не присматриваюсь к нему. Я собираюсь вернуться на Землю. Но сначала разберусь, что случилось с Лианой, и попробую не дать «Белому грифону» разориться.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	16
Глава 3.	27
Глава 4.	38
Глава 5.	49
Глава 6.	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Майя Заревская

Хозяйка «Белого грифона».

Развод в чужом теле

Глава 1.

— Всё, рабочий день официально закончен. Телефон остался в палате.

Анестезиолог произнёс это тем доброжелательным тоном, которым, вероятно, разговаривал с десятками пациентов каждую неделю. Он поправил прозрачную трубку у моей руки, проверил что-то на мониторе и снова посмотрел на меня.

Я улыбнулась.

— Прекрасно. Значит, ближайшее время клиенты вынуждены будут принимать решения самостоятельно.

— Я бы сказал, что это полезный профессиональный эксперимент.

— Вы явно не знакомы с моими клиентами.

Он тихо рассмеялся.

— Сама операция займёт около сорока минут. Потом вас переведут в послеоперационную палату, где вы ещё какое-то время проспите. Так что рабочий день на сегодня можете официально считать законченным.

Вот теперь фраза звучала достаточно конкретно, чтобы я могла с ней согласиться.

— Впервые за последние две недели это говорит мне человек, с которым бессмысленно спорить.

— Пользуйтесь моментом.

Ничего драматического в происходящем не было. Операция была плановой: желчный пузырь успел испортить мне несколько месяцев жизни и две командировки, анализы были нормальными, а через пару недель я рассчитывала вернуться к обычному графику.

Моя подруга Лена обещала приехать после работы, хотя я уверяла, что в первый день всё равно ничем мне не поможет. Мы дружили достаточно давно, чтобы на этом спор закончился.

Дома оставался кот. Именно о нём я вспомнила, когда холод от лекарства начал медленно расходиться по руке.

— Подождите, — сказала я.

Анестезиолог сразу посмотрел на меня.

— Что-то не так?

— Я корм переставила.

Он моргнул.

— Простите?

— Для кота. Убрала новую упаковку в верхний шкаф, потому что он научился открывать нижний. А подруге сказать об этом забыла.

Несколько секунд мужчина явно пытался понять, шучу я или действительно считаю это проблемой, требующей вмешательства операционной бригады. Потом улыбнулся.

— Если это самое важное, о чём вы сейчас переживаете, значит, мы хорошо подготовились.

— Вы его не знаете.

— Кота?

— Он очень убедительно изображает голодную смерть. Подруга ему верит гораздо больше, чем мне.

— После операции напишете ей.

План был разумным. Я собиралась ответить, но именно в этот момент голова стала удивительно лёгкой, а свет над столом начал терять резкие края.

— Сейчас появится сонливость, — предупредил анестезиолог. — Не пытайтесь сопротивляться. Просто закройте глаза.

— А считать не надо?

— Можете, если хотите.

Я решила, что хотя бы до десяти справлюсь.

Кажется, успела только до трёх.

Первой вернулась не боль, а ощущение неправильности.

Я ещё не открыла глаза, но уже понимала, что что-то не совпадает. Под спиной было слишком мягко, под щекой — гладкая, почти скользкая ткань.

В воздухе вместо пластика, дезинфицирующего средства и лекарств смешивались воск, горькие травы и что-то металлическое. Где-то неподалёку потрескивало пламя.

После наркоза может привидеться всякое. Возможно, мозг ещё не проснулся, а происходящее просто вплелось в сон.

Рядом действительно разговаривали две женщины.

Я не сразу поняла, что именно в их речи меня насторожило. Смысл я понимала без труда, однако звучали слова непривычно. Интонации были другими, некоторые согласные произносились мягче, а гласные тянулись там, где я этого не ожидала.

Я открыла глаза и несколько секунд просто смотрела вверх.

Надо мной не было больничного потолка с вентиляционной решёткой и встроенными лампами. Потолок оказался высоким, оштукатуренным, с узким лепным бордюром по краю. Справа висела тяжёлая тёмно-бордовая штора, за которой угадывалось высокое окно. На деревянном столике возле кровати стояли стеклянные флаконы, металлическая миска и свеча в широком подсвечнике.

Я закрыла глаза, сосчитала до пяти и снова посмотрела на комнату.

Ничего не изменилось.

— Госпожа Лиана?

Одна из женщин подошла ближе.

На вид ей было около пятидесяти. Тёмное длинное платье закрывало шею и запястья, сверху был повязан светлый передник, а седоватые волосы прятались под аккуратным чепцом.

Можно было бы принять её за сотрудницу какой-нибудь исторической реконструкции. Оставалось только придумать причину, по которой меня после удаления желчного пузыря могли отвезти на историческую реконструкцию.

— Вы меня слышите, госпожа?

Я хотела сказать, что слышу, и замерла уже после первого слова.

— Да.

Собственный голос оказался выше и мягче. Но куда сильнее меня поразило другое: я ответила ей на том же языке, хотя понятия не имела, что это за язык. Слова не переводились в голове — смысл просто возникал.

Женщина заметно нахмурилась.

— Я позову лекаря.

— Подождите.

Она остановилась.

Я попыталась приподняться — и тут же пожалела. Голова отозвалась тяжёлым пульсирующим давлением, комнату повело в сторону, а мышцы оказались настолько слабыми, словно я несколько дней провела с высокой температурой.

При этом живот не болел.

Я замерла и прислушалась к собственному телу. После лапароскопии мне обещали небольшую, но вполне ощутимую боль. Должны были остаться проколы, должно было тянуть там, где работал хирург.

Ничего похожего не было.

Вместо этого глубоко в груди ощущалась странная тяжесть. Она не была похожа ни на боль, ни на обычное давление. Скорее в груди постоянно ощущалось что-то, чего раньше там не было.

— Что со мной случилось?

Женщина стала осторожнее.

— Вас лечили после приступа.

— Какого?

Теперь она выглядела уже откровенно встревоженной.

— Я приведу врача.

— Подождите. Где мы?

— В лечебном доме. В Керне, госпожа.

Название ничего мне не сказало.

Я собиралась задать следующий вопрос, но взгляд случайно опустился на руку, лежавшую поверх одеяла.

Только тогда я по-настоящему её увидела.

Кисть была тонкой и слишком маленькой. Узкие пальцы заканчивались длинными ногтями аккуратной овальной формы. На безымянном пальце осталась бледная полоска кожи, будто кольцо сняли совсем недавно.

Я перевернула руку и сразу заметила отсутствие маленького шрама у большого пальца.

Я получила его в двадцать лет, когда разбила стакан на кухне общежития и слишком уверенно решила, что смогу собрать осколки голыми руками. Шрам давно побледнел, но его точное место я знала.

Теперь там была чистая кожа.

Я подняла вторую руку и тоже её не узнала.

— Госпожа?

Не отвечая, я откинула одеяло. Женщина тут же шагнула ко мне.

— Вам нельзя вставать.

Я её почти не слышала, потому что ноги тоже были чужими. Тонкие щиколотки, узкие ступни и другая форма коленей под длинной светлой рубашкой не оставляли места удобным объяснениям.

Всё тело ощущалось меньше и легче привычного.

Мне сорок один год, и я никогда не относилась к собственному возрасту как к катастрофе. Я прекрасно знала, как выгляжу. У меня не было двадцатилетнего живота, я давно перестала покупать обувь, которая красива только первый час, а после двух ночных перелётов подряд зеркало честно показывало последствия профессионального энтузиазма.

Но это было моё тело, и я знала его.

То, в котором я проснулась, мне не принадлежало.

— Здесь есть зеркало?

— В соседней комнате, но вам сейчас нельзя вставать.

— Тогда помогите мне дойти.

Она покачала головой.

— Сначала врач.

Спорить дальше у меня действительно не было сил. Я легла обратно, неожиданно вымотанная несколькими минутами разговора.

Оставшись одна, я сделала то, что делала при любой серьёзной проблеме: сначала собрала факты. Последнее воспоминание — операционная. Комната не была современной больницей. Тело — не моё. Я понимала незнакомый язык и никогда не слышала о Керне.

Медицинское объяснение всё ещё оставалось самым желанным: галлюцинация, осложнение, неврологический сбой — что угодно, лишь бы оно существовало.

Но собственную биографию я помнила без провалов. Меня звали Анна Соколова, мне был сорок один год. Я работала консультантом-аудитором в гостиничном бизнесе, была разведена, жила одна; у меня оставались квартира, работа, близкая подруга и кот. Я помнила вчерашний день, дорогу в больницу и разговор с хирургом.

С памятью всё было в порядке. Проблема была в окружающей реальности.

Дверь открылась, и в комнату вошёл мужчина лет шестидесяти в длинном тёмном сюртуке. Следом появилась молодая женщина с кожаным футляром.

Мужчина подошёл к кровати, посмотрел сначала на меня, потом на стоявшие рядом флаконы и подвинул к себе стул.

— Госпожа Даррэн, вы хорошо меня слышите?

Даррэн.

Я отметила фамилию, но не стала спрашивать о ней сразу.

— Слышу.

— Меня узнаете?

— Нет.

Ответ был правдивым. По его реакции было видно, что он ожидал другого, хотя по-настоящему испуганным не выглядел.

— Хорошо. Тогда начнём с простого. Что вы сейчас ощущаете?

Он расспросил о головной боли, тошноте, слабости и головокружении, проверил пульс и реакцию зрачков, а потом достал небольшой металлический прибор с мутным камнем в центре.

Камень засветился слабым ровным светом.

— Что это?

— Диагностический кристалл.

Он произнёс это так, как современный врач сказал бы «пульсоксиметр». Светился сам камень, и это уже никак не вписывалось в медицинские версии, за которые я держалась.

— Ядро ощущаете? — спросил лекарь.

— Какое ядро?

Помощница замерла над записями.

— Магическое. Обычно вы хорошо различали его состояние: давление, боль, нарушение потока.

Лекарь заметил, что я продолжаю смотреть на него, и отложил кристалл.

— Ядро есть у каждого человека, госпожа Даррэн. Но чувствовать его и пользоваться магией — разные вещи. Кто-то не замечает даже слабого нарушения потока. Кто-то способен направлять его сам. Возможности зависят и от тела, и от состояния ядра.

— А что могла я?

Помощница подняла голову от записей. Лекарь ответил не сразу.

— Сейчас важнее понять, что вы ощущаете после лечения. Пожалуйста, не пытайтесь вызвать прежние ощущения намеренно.

Прекрасно. Несколько минут назад я выяснила, что у меня есть магическое ядро. Теперь получила запрет пользоваться тем, о чём ничего не знала.

Я вспомнила странную тяжесть и коснулась груди.

— Здесь?

— Да.

— Что-то есть, но я не понимаю, что именно.

Он взглянул на кристалл.

— Боль, жжение, чувство нестабильности?

— Я не могу сравнить с нормой, если не помню, что для меня нормально.

Он поднял глаза.

Несколько секунд мы молчали.

— Расскажите, что вы помните о последних днях.

На секунду захотелось выложить всю правду: Анна Соколова, операция, Керн мне неизвестен, о магии слышу впервые, тело не моё. Но я не знала ни местных законов, ни того, что здесь делают с человеком, уверенным, будто он кто-то другой. Зато уже знала, что после приступов у Лианы бывали проблемы с памятью.

— Помню плохо.

Лекарь отреагировал слишком спокойно.

— Как вас зовут?

— Лиана.

— Полностью?

— Лиана Даррэн.

Он спросил, узнаю ли я его, кабинет и дом. На всё я ответила «нет». Потеря памяти явно укладывалась для них в уже существующую картину.

— Такое раньше происходило?

— После тяжёлых приступов у вас бывали спутанность сознания, проблемы с концентрацией и памятью, но не настолько серьёзные.

— Что произошло на этот раз?

— Сильнейшая нестабильность ядра. Пришлось применить более сложное лечение.

— Что именно?

— Стабилизировали ядро.

— Каким образом?

Лекарь сослался на необходимость восстановить силы. Это могло означать сложное объяснение — или нежелание его давать.

Если моё появление было связано с лечением Лианы, медицинская история могла оказаться единственной ниткой к объяснению.

— После таких приступов люди могут... не узнавать собственное тело? Быть уверенными, что до приступа жили другой жизнью?

Помощница перестала писать.

— При тяжёлой нестабильности возможны нарушения памяти и восприятия, — осторожно ответил лекарь. — Но полная убеждённость в том, что вы другой человек, была бы серьёзным симптомом.

Я зашла ещё немного дальше:

— Известны случаи, когда душа оказывается не в своём теле?

Вот теперь выражение его лица изменилось.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что смотрю на собственные руки и не узнаю их.

Он помолчал.

— Истории о переселении душ существуют. Но в лечебной практике это не считается обычным объяснением потери памяти.

Этого хватило. Само понятие здесь существовало, а признание в нём легко могло превратить меня из пациентки с амнезией в тяжело больную. Решение молчать стало ещё разумнее.

Лекарь вернулся к проверке памяти.

— Вы знаете, кто ваш супруг?

— Нет.

— Граф Кайрен Даррэн.

Так вот откуда фамилия. Его уже уведомили, и лекарь полагал, что он скоро приедет.

На вопрос, живём ли мы вместе, врач сухо предложил обсуждать семейное положение с самим графом. Молодая помощница едва заметно опустила глаза.

Чужое тело, магия, потерянная память — и, судя по всему, неприятности в браке. Хотя бы одна проблема выглядела вполне человеческой.

О родителях Лианы лекарь ничего не знал и вскоре поднялся, велел мне спать и не вставать без помощи.

— А зеркало? Мне всё ещё не дают до него дойти.

Он вздохнул и разрешил — если меня поддержат и я не буду долго стоять.

Маленькая победа, но я её оценила.

Когда лекарь и его помощница вышли, сиделка вернулась в комнату.

До зеркала нужно было пройти всего несколько шагов из спальни в небольшую соседнюю комнату. Уже на полпути стало ясно, почему сиделка сопротивлялась. Колени дрожали, голова снова стала тяжёлой, а сердце билось слишком быстро для настолько скромной нагрузки.

Я опиралась на её руку и старалась не смотреть вниз.

Зеркало стояло между двумя высокими окнами и почти доходило до пола. В нём одновременно отражались светлая стена, тёмная мебель, часть спальни за моей спиной и женщина, поддерживающая меня под локоть. А между всем этим стояла незнакомая молодая женщина.

Я остановилась.

Если бы мне заранее показали портрет Лианы Даррэн и спросили, красива ли она, я бы ответила утвердительно. Лицо было тонким и правильным, с довольно мягкими чертами. Длинные тёмно-каштановые волосы лежали спутанными прядями поверх ночной рубашки. Светлые серо-голубые глаза казались слишком большими на похудевшем лице. Женщина выглядела молодой и измождённой одновременно.

Я не почувствовала никакой радости.

Возраст никогда не был моей главной проблемой. Конечно, я замечала морщины, могла раздражаться из-за седого волоса и иногда рассматривала фотографии десятилетней давности с неприятным удивлением.

Но ни разу мне не приходило в голову всерьёз захотеть обменять собственное лицо на другое. Даже если другое лицо было моложе и красивее.

Сейчас такой обмен словно произошёл без моего согласия.

Я подняла руку, и отражение повторило движение.

Пальцы коснулись гладкой щеки, потом медленно прошли по подбородку и губам. У меня были маленькие морщинки в уголках глаз, особенно заметные после сорока. На правой щеке была родинка, а между бровями появилась вертикальная складка, которую подруга называла моей профессиональной отметиной.

На этом лице не было ничего моего. Я отвела ворот рубашки и посмотрела на ключицу. Маленького шрама после детского падения с велосипеда тоже не оказалось. Потом проверила руку и снова не нашла следа от разбитого стакана. В последнюю очередь я осмотрела живот. Ни пластырей, ни свежих проколов, ни других следов сегодняшней операции на коже не было.

Я продолжала смотреть на отражение, хотя ответ уже получила. Это было не моё тело.

Но что случилось с моим собственным, я не знала.

Оно могло остаться в больнице. Могло умереть. Могло лежать без сознания. Если истории о переселении душ здесь существовали не только как сказки, нельзя было исключать и более безумную возможность: там сейчас мог находиться кто-то другой.

У меня не было способа проверить ни одну из этих версий.

Именно тогда я окончательно перестала считать происходящее обычным последствием наркоза. В магию я внезапно не поверила — просто ради привычного объяснения пришлось бы игнорировать слишком много конкретных вещей.

Я села в кресло перед зеркалом.

Женщина спросила о самочувствии, но я не сразу поняла вопрос.

Перед глазами возникла больничная палата. На тумбочке лежал мой телефон, чёрная сумка осталась на стуле, а зарядку я всё-таки взяла с собой после спора с Леной.

Последним её сообщением была фотография кота, лежащего на моей подушке с таким видом, будто квартира принадлежит ему, а я временно получила разрешение жить рядом.

Что сейчас происходило там?

Проснулось ли моё тело после операции?

Если проснулось, кто открыл глаза?

Если нет, что сказали подруге?

А если оно умерло, знает ли об этом уже кто-нибудь?

Я почувствовала, как внутри поднимается паника, и заставила себя снова посмотреть в зеркало.

Не сейчас.

Если здесь действительно существовали специалисты, способные работать с душой и магическим ядром, мне нужно было узнать о них. Не сегодня, когда любое лишнее слово могло превратить меня из пациентки с потерей памяти в женщину, которую будут лечить от безумия.

Но узнать всё равно придётся.

Потом я снова вспомнила про корм.

Мысль была глупой, и я прекрасно это понимала. Подруга не даст коту умереть с голоду, даже если не найдёт новый пакет сразу. Она купит другой корм и решит проблему без моего участия.

Однако именно эта мелочь разрушила остатки самообладания.

Всё дома было приготовлено на несколько дней, потому что я собиралась вернуться.

У меня был созвон в понедельник, командировка через двадцать дней и недочитанная книга возле кровати. На кухне осталась чашка, которую я не помыла утром, потому что опаздывала.

Никто не готовится навсегда исчезнуть из собственной жизни, отправляясь на плановую операцию.

Я закрыла лицо ладонями и сразу же их отняла.

Даже плакать этими руками было неправильно.

Слёзы всё равно появились. Без истерики и без облегчения они просто текли по чужому лицу, пока я сидела перед зеркалом и старалась дышать ровно.

Женщина стояла чуть в стороне.

Она не пыталась меня утешать и не задавала вопросов. За это я была ей благодарна.

Когда стало немного легче, я вытерла лицо.

— Как вас зовут?

— Мара, госпожа.

Наконец одно имя, которое я могла связать с конкретным человеком.

Она объяснила, что дом Даррэн нанял её присматривать за мной на время лечения. Значит, Мара знала только последние дни Лианы.

— После выписки вы уйдёте?

— Если лекарь решит, что помощь вам больше не нужна.

По крайней мере, она перестала быть ещё одной непонятной деталью.

— Оставьте меня на несколько минут одну, пожалуйста.

— Я буду в соседней комнате. Дверь оставляю открытой.

Я не стала спорить.

Она вышла. Я ещё некоторое время сидела перед зеркалом, а потом тихо произнесла:

— Меня зовут Анна Соколова.

Женщина в отражении шевельнула губами. Голос принадлежал ей. Имя — мне.

— Мне сорок один год.

Я повторила своё имя ещё раз. Забыть его я не боялась — просто после нескольких часов, когда все называли меня Лианой, хотелось хотя бы услышать собственное имя, произнесенное вслух.

К вечеру я уже могла ходить по комнате без поддержки. После светящегося камня я ждала от еды чего-нибудь необычного, но она оказалась вполне обычной.

Мара принесла ужин, поставила поднос на стол и коснулась металлической пластины под светильником. Камень внутри матового стекла засветился ярче.

— Вы это сделали магией? — спросила я.

Она посмотрела сначала на меня, потом на светильник.

— Нет, госпожа. Только повернула пластину. Само устройство настроил мастер.

— Значит, им может пользоваться кто угодно?

— Если оно исправно.

Я попросила показать ещё раз. Мара повернула пластину обратно, и свет ослаб. Потом я повторила её движение. Светильник послушно загорелся ярче; никакой тяжести в груди я при этом не почувствовала.

— А дети часто рождаются с магическими способностями?

Мара задумалась, как будто вопрос требовал уточнения.

— С ядром рождаются все. А способности бывают разными. Одни учатся работать с магией, другим для обычной жизни хватает таких вещей, как этот светильник. Про редкий сильный дар я слышала, но никого с ним не знаю.

Я снова посмотрела на камень. Магия здесь могла освещать комнату, пока человек, ничего не умеющий с ней делать, просто поворачивал пластину. Это я уже понимала. Что могла Лиана без всякого светильника — пока нет.

Мару я расспрашивала осторожно: каждый вопрос выдавал масштаб моей «амнезии» не хуже ответа.

Лиане было двадцать семь. Детей не было — и это принесло почти неприличное облегчение. О прежней жизни и болезни Мара знала мало: её наняли после последнего приступа.

Из безопасных вопросов я выяснила, что Керн — столица Империи Альверия. После выписки меня собирались отправить в городской дом Кайрена, где уже подготовили комнаты; дом Вейров давно не использовался. Сам граф жил там только когда бывал в столице.

Значит, возвращение в его дом вовсе не доказывало, что с браком всё в порядке.

Позже я попросила бумагу. Перо легло в пальцы правильно само собой. Я нарочно ослабила руку — тело повторило движение.

То же было с речью: языка я не знала, но говорила; местных правил не помнила, но простые движения выполнялись автоматически. Значит, память Лианы не перешла ко мне целиком: оставались навыки, но не воспоминания.

На верхней части листа я написала: «АННА СОКОЛОВА». Почерк оказался не моим.

Ниже зафиксировала то, что знала точно: Земля, плановая операция, после пробуждения — другое тело; Лиана Даррэн, двадцать семь лет, Керн, муж — граф Кайрен Даррэн, болезнь ядра. Отдельно записала вопросы о последнем лечении, специалистах по душе и возможности установить, где находится моё собственное тело.

На втором листе перечислила людей с Земли, которых не хотела потерять. В самом низу — кличку кота.

Для памяти эти записи не требовались. После целого дня, когда все вокруг называли меня Лианой, хотелось закрепить собственную биографию на бумаге.

Я сложила листы и спрятала под подушку. Пока это было единственное в комнате, что действительно принадлежало мне.

Кайрен Даррэн приехал на следующий вечер.

Я поняла, что в лечебном доме появился кто-то важный, ещё до того, как Мара сказала об этом.

В коридоре стало заметно больше движения. Несколько раз прошли люди, кто-то тихо отдавал распоряжения, а Мара поправила покрывало, проверила кувшин с водой и неожиданно расправила складки на собственном переднике.

Я наблюдала за ней из кресла у окна.

За день я немного окрепла. Лекарь разрешил мне ходить по комнате, хотя Мара всё равно следила за каждым шагом.

— Кто приехал?

Она обернулась.

— Граф Даррэн, госпожа.

Я ждала продолжения, но она молчала.

— Мой муж?

На лице Мары появилось едва заметное удивление.

— Да.

— Я просто проверяю, правильно ли запомнила.

— Конечно.

Я отложила книгу, которую уже минут десять безрезультатно пыталась читать.

— Он часто сюда приезжал?

Мара замялась.

— Ему сообщали о вашем состоянии.

Снова осторожный ответ.

— Это не совсем то, что я спросила.

Она опустила глаза.

— Нет, госпожа. Не каждый день.

— Понятно.

Теперь стало понятнее.

Брак был плохим. Возможно, уже очень давно.

Подумать об этом подробнее я не успела: в груди разлилось знакомое тепло. Я положила ладонь на грудь. Пульс участился.

В коридоре раздались шаги — и тепло стало сильнее.

— Он уже близко?

— Граф? Думаю, да. Его проводили сюда.

Вот теперь мне стало по-настоящему не по себе. Я не помнила Кайрена Даррэна, но тело узнало его приближение раньше меня.

Шаги остановились у двери.

Раздался негромкий стук.

Мара посмотрела на меня, ожидая разрешения, и эта мелочь почему-то понравилась мне больше всего. Несмотря на титул человека за дверью, решение впустить его хотя бы формально оставалось за мной.

— Войдите.

Дверь открылась.

Первое, что я заметила, — его рост.

На нём был тёмный дорожный костюм хорошего кроя, дорогой, но не парадный. Почти чёрные волосы были коротко подстрижены, а резкие черты придавали лицу ту взрослую мужскую привлекательность, которая гораздо сильнее зависит от выражения, чем от правильности отдельных линий.

Он выглядел собранным и очень усталым.

Глаза оказались тёмно-золотистыми.

Это я тоже отметила, но удивиться не успела.

Реакция тела стала сильнее.

В груди разлилось тепло, сердце забилося быстрее, а ладони неожиданно стали чувствительнее. Хуже всего было то, что его присутствие казалось знакомым. Не сам мужчина — я не узнавала лица, ещё не слышала голоса и даже не знала, как он двигается. Знакомым казалось расстояние между нами.

Тело словно знало, что этот человек когда-то подходил гораздо ближе.

Кайрен остановился у двери и посмотрел на меня.

Увидев меня, он едва заметно изменился в лице.

— Лиана.

Я слышала это имя десятки раз за последние два дня, но именно сейчас внутри меня что-то отозвалось настолько быстро и определённо, что пальцы сами сжались на подлокотнике.

Я разозлилась — не на него, а на собственное тело, которое признавало этого мужчину, хотя моя память не признавала его вовсе.

Кайрен заметил, как я сжала пальцы, а потом перевёл взгляд на Мару.

— Оставьте нас.

Она не подчинилась сразу и сначала посмотрела на меня.

Я кивнула.

— Всё в порядке.

Мара вышла.

Мы остались одни.

Я ожидала, что он подойдёт к креслу, спросит о состоянии или хотя бы попытается прикоснуться. Даже в плохом браке человек, вероятно, задаёт несколько формальных вопросов жене после тяжёлого лечения.

Кайрен ничего подобного не сделал.

Он прошёл в комнату и остановился примерно в двух шагах от меня.

Дистанция была безупречно вежливой.

И эта вежливость рассказала мне о браке больше, чем осторожные ответы Мары.

— Лекарь сообщил, что физически тебе лучше.

— Так говорят.

— А ты сама как себя чувствуешь?

— Я не очень понимаю, с чем сравнивать.

— Из-за памяти?

— В основном.

Кайрен нахмурился и несколько секунд изучал меня, будто искал знакомые признаки там, где внешне всё оставалось прежним, а что-то существенное не совпадало.

— Мне сказали, что ты не помнишь последние дни.

— Не только. Я не помню вас.

Впервые его самообладание заметно дрогнуло.

— Совсем?

— Ничего, что можно было бы назвать воспоминанием.

Он долго смотрел на меня — без облегчения и без очевидного горя. Скорее как человек, который приехал ради одного тяжёлого разговора, а обнаружил совершенно другую проблему.

Тепло в груди при этом никуда не исчезало.

— Моё тело, похоже, с этим не согласно.

Кайрен нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда вы были ещё в коридоре, у меня ускорилося сердцебиение. Я поняла, что вы приближаетесь, раньше, чем Мара сказала об этом. Сейчас происходит то же самое.

Его взгляд опустился к моей ладони на груди.

— Связь.

— Какая связь?

Он посмотрел на меня так, словно сам вопрос был невозможен. Этого было достаточно: он знал Лиану, её тело и прошлое — и мог объяснить то, чего я не понимала.

Кайрен прошёл к окну и остановился спиной ко мне.

Несколько секунд я видела только прямую линию его плеч. Потом он повернулся.

— В таком случае всё становится сложнее, чем я ожидал.

— Что именно?

Лицо снова стало почти официально-сдержанным.

— Наш разговор.

Я подождала продолжения.

— Какой разговор?

Кайрен посмотрел мне прямо в глаза.

И в этот момент я окончательно поняла: приехал он не ради трогательной встречи с выздоравливающей женой.

Глава 2.

— Тот, который мы начали до твоего лечения. Нам всё равно придётся его закончить.

Кайрен произнёс это спокойно, без нажима, но с твёрдостью человека, который слишком долго откладывал неприятное решение и больше не собирался обсуждать, нужно ли его принимать.

За последние два дня невозможного накопилось столько, что семейная ссора незнакомой женщины казалась почти нормальной проблемой. Брак явно давно был в плохом состоянии, а сам Кайрен держался так, будто приехал не мириться.

И всё же он мог знать о лечении Лианы гораздо больше Мары. Если моё появление в этом теле было связано с лечебным домом, расспрашивать его всё равно придётся. Только сначала нужно было понять, с каким человеком я разговариваю.

— Вы можете напомнить, на чём мы остановились? — спросила я.

Кайрен слегка нахмурился.

Я всё ещё говорила ему «вы». Заметила это только сейчас.

По его лицу я поняла, что Лиана так не делала.

— Лекарь сказал, что память может возвращаться неравномерно, — продолжила я, прежде чем он успел задать вопрос. — Если вы хотите закончить разговор, придётся хотя бы объяснить, о чём он был.

Он несколько секунд смотрел на меня, будто решал, действительно ли я ничего не помню или нашла новый способ избежать неприятной темы.

Кайрен подошёл к креслу у окна, но не сел. Провёл пальцами по деревянной спинке, посмотрел куда-то за стекло и только потом заговорил.

— До того, как тебя привезли сюда, мы обсуждали развод.

Я ждала продолжения, но его не последовало.

Наверное, от Лианы ожидалась реакция.

Я же сначала пыталась понять услышанное буквально.

Вчера мне сообщили, что я замужем. Сегодня муж приехал сообщить, что это ненадолго.

Если бы ситуация не была настолько ненормальной, в ней можно было бы найти почти издевательскую эффективность.

— Понятно, — сказала я.

Кайрен повернул голову.

— Понятно?

— Само слово мне знакомо.

В его взгляде появилось раздражение.

— Лиана.

— Я серьёзно. Я не помню ни нашего брака, ни причин, по которым вы хотите его закончить. Поэтому пока мне понятен только юридический смысл слова.

Он медленно убрал руку со спинки кресла.

— Мы уже говорили о причинах.

— Я этого тоже не помню.

— Удобно.

Слово прозвучало негромко, но достаточно ясно.

Теперь уже раздражение вспыхнуло во мне.

— Для кого? Для кого? Потому что я пока особенных преимуществ не заметила.

Он сжал челюсть.

— Я не имел в виду...

— Тогда не говорите так.

Ответ получился резче, чем я собиралась, но брать его обратно не хотелось.

Несколько секунд мы молчали.

Кайрен первым отвёл взгляд.

— Хорошо. Это было лишнее.

Он всё-таки сел, выбрав кресло напротив меня. Между нами остался небольшой столик, и я снова заметила, насколько тщательно он держит дистанцию. Даже теперь, когда речь зашла о разводе, Кайрен не выглядел человеком, приехавшим устраивать сцену. Похоже, он собирался лишь довести до конца давно принятое решение и не позволить разговору снова перерасти во что-то эмоциональное.

— Наш брак фактически закончился задолго до того, как ты оказалась здесь, — сказал он. — Мы давно живём отдельно большую часть времени. Последние месяцы ты находилась либо под наблюдением врачей, либо в доме Вейров, либо приезжала ко мне ненадолго.

— Почему?

— Потому что вместе нам стало хуже.

— Из-за болезни?

Кайрен не сразу ответил.

— Не только.

Он опустил взгляд на свои руки. На правой был тяжёлый перстень с тёмным камнем и знаком, который я пока не могла рассмотреть.

— Сначала я думал, что твоё состояние временное. Потом лечение затянулось. Приступы становились чаще, ты почти перестала пользоваться магией и всё сильнее зависела от врачей. Любой разговор о будущем заканчивался одним и тем же.

— Чем?

Его рот стал жёстче.

— Ты просила подождать.

Я не знала, как на это реагировать.

— И вы не захотели ждать?

— Я ждал несколько лет.

В его голосе впервые проступила усталость. Я ещё не знала, кто из них был прав, но слова о нескольких годах ожидания не походили на оправдание, придуманное сегодня утром.

— Что должно было измениться? — спросила я.

— Ты должна была восстановиться.

— А если бы не восстановилась?

Он посмотрел на меня.

— Тогда нам всё равно пришлось бы решить, как жить дальше.

— Получается, вы решили.

— Да.

Ответ последовал слишком быстро — похоже, эту часть разговора он уже не раз проговаривал не только со мной, но и с самим собой.

Я слегка откинулась в кресле и сразу пожалела об этом. После болезни тело всё ещё быстро уставало, а странная тяжесть в груди становилась заметнее каждый раз, когда Кайрен смотрел прямо на меня.

Это мешало думать.

Сам мужчина тоже мешал, хотя вовсе не потому, что я находила его неотразимым. Проблема была в другом: я постоянно получала два противоречащих друг другу сигнала.

Моя память говорила, что передо мной незнакомец.

Тело упрямо сообщало обратное.

Я уже заметила, что почти физически ощущаю его присутствие. Когда он двигался по комнате, мне не требовалось смотреть, чтобы понимать, насколько близко он находится. Даже

его голос вызывал странное узнавание, будто когда-то значил для этого тела гораздо больше, чем могла объяснить моя память.

Это раздражало всё сильнее.

Я не хотела никакой близости, которой не выбирала.

— Документы уже подготовлены? — спросила я.

Кайрен снова посмотрел на меня с тем же недоумением.

— Почти.

— Значит, решение принято не сегодня и не после моего последнего лечения.

— Нет.

По крайней мере, он не увидел больную жену после тяжёлого приступа и не решил внезапно от неё избавиться. Развод начался раньше моего появления.

— Тогда зачем вы приехали сейчас?

— Разговор остался незавершённым. Нужно твоё согласие.

— Оно обязательно?

— Ты можешь оспаривать условия или потребовать отдельного разбирательства. Сам развод это не отменит, но затянет процедуру.

— Речь об имуществе?

— В том числе.

Вот теперь разговор перешёл к тому, в чём я могла ориентироваться хотя бы в общих чертах.

— Я хочу понимать, что подписываю и что именно делится.

— Никто не просит тебя подписывать бумаги сегодня.

— Хорошо. Значит, у меня будет время их прочитать.

— Разумеется.

Кайрен некоторое время молча меня рассматривал.

— Ты даже не спросишь почему?

— Вы уже сказали, что брак давно не работает.

— Я не об этом.

Его взгляд стал неприятно внимательным.

Я догадалась ещё до того, как он произнёс следующую фразу.

— Есть другая женщина.

Наверное, именно здесь настоящая Лиана почувствовала бы удар. Я же не ощутила ничего похожего на ревность или боль обманутой жены.

Меня интересовали обстоятельства.

— Вы хотите жениться на ней?

— Если это станет возможным.

— Значит, отношения уже достаточно серьёзные.

Кайрен прищурился.

— Ты говоришь так, словно обсуждаешь чужой брак.

Я едва не рассмеялась: точнее он и сказать не мог.

Вместо этого сказала:

— Сейчас он именно таким и ощущается.

Он не ответил.

Возразить было трудно даже ему.

— Как её зовут? — спросила я.

— Мирель Сорен.

Имя ничего мне не сказало.

— Давно вы вместе?

На этот раз в выражении его лица появилось откровенное раздражение.

— Мы не были любовниками за твоей спиной, если именно это ты пытаешься выяснить. Мирель появилась в моей жизни после того, как наш брак уже фактически распался.

— Для вас?

Он резко повернулся.

Я не отвела взгляд.

— Это не обвинение. Я действительно спрашиваю. Мы оба считали брак законченным или только вы?

Он промолчал.

— Только вы, — сказала я.

— Лиана...

— Я ошиблась?

— Ты прекрасно знала, к чему всё идёт.

— Я сейчас ничего не знаю. Поэтому мне приходится судить по вашим ответам.

Он провёл ладонью по затылку. Впервые я увидела у него жест, которого он, похоже, не успел проконтролировать.

— Ты просила не принимать окончательного решения.

— Это не то же самое, что считать брак законченным.

— Нет.

Я откинулась на спинку кресла и посмотрела в окно, хотя с моего места видела только серое небо и край соседней крыши.

Чужая семейная история постепенно складывалась.

Лиана несколько лет болела и лечилась, брак постепенно разрушался. Кайрен решил уйти, она просила подождать и, судя по его тону, не раз пыталась сохранить отношения. А потом появилась Мирель.

— Что изменилось после знакомства с ней?

Кайрен долго не отвечал.

— Я понял, что больше не могу делать вид, будто между нами всё можно вернуть.

— Почему именно после знакомства?

— Потому что Мирель — моя истинная.

Несколько секунд я ждала пояснения.

— Что это значит?

— Истинная связь возникает при определённой магической совместимости. Она редка. Ядра начинают откликаться друг на друга: сначала человек замечает присутствие другого, потом реакции становятся сильнее. Связь подтверждается диагностикой.

Я невольно вспомнила, как почувствовала его ещё до того, как он вошёл.

— Примерно как сейчас у меня с вами?

Кайрен застыл.

По его реакции я поняла, что задела неприятную тему.

— Похоже, — ответил он после паузы. — Но сейчас наша связь ведёт себя нестабильно. Он отвёл взгляд.

— Между нами тоже была истинная связь.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить сказанное.

— А теперь у вас появилась другая? И такое вообще возможно?

— До недавнего времени все считали, что нет.

История сразу стала страшнее. Несколько лет болезни, распадающийся брак — а потом муж сообщает, что магия подтверждает новую редкую связь, которую общество считает единственной.

Лиане сказали не просто «я больше тебя не люблю». Для неё это могло звучать так, будто сама природа признала неправильной всю их прежнюю жизнь.

Кайрен не выглядел человеком, которому приятно это рассказывать, но в самом факте он не сомневался.

- Специалисты подтвердили связь?
- Несколько. Независимо друг от друга.
- А я?

Кайрен помолчал.

- Сначала сказала, что диагностика ошибочна. Потом потребовала повторить её.
- И?
- Три раза один и тот же результат.
- После этого?

— Ты сказала, что связь можно разрушить. Но истинная связь не обычное заклинание, которое можно снять.

Я едва не спросила, почему он настолько уверен, но вовремя остановилась. Местную магию я не знала совершенно, а превращать каждый разговор в допрос было рискованно.

Я решила зайти с другой стороны.

- А лечение могло повлиять на нашу связь?
- Врачи говорили, что нестабильность ядра могла.
- Последнее лечение тоже?
- Оно должно было стабилизировать тебя. О связи отдельно мне ничего не говорили.
- Кто назначал лечение раньше?

В его взгляде появилось подозрение.

- Почему ты спрашиваешь именно об этом?

— Потому что проснулась после лечения и не помню собственной жизни. Мне кажется разумным интересоваться тем, что этому предшествовало.

Кайрен не возразил.

- Последние схемы утверждал врач, который наблюдал тебя несколько лет.
- Можно с ним связаться?
- Вероятно.

Впервые за весь разговор я получила нитку не к браку Лианы, а к тому, что могло привести меня сюда. Продолжать расспросы я не стала: слишком заметный интерес к врачу мог вызвать вопросы уже у Кайрена.

— Что истинная связь вообще означает для отношений? Она заставляет любить, вступать в брак или запрещает любить другого?

Кайрен ответил почти сразу:

- Нет.

Это было первое объяснение, которое мне действительно понравилось.

- Тогда почему появление истинной означает наш развод?

Он отвёл взгляд.

И за всей магической терминологией наконец проступило главное: истинная могла что-то объяснять или подтверждать, но решение всё равно принимал Кайрен.

- Вы полюбили её?

На этот раз вопрос его не раздражил.

- Я к ней равнодушен. И она ко мне тоже.

Я кивнула.

— Значит, вы считаете наш брак разрушенным, у вас появились чувства к другой женщине, а магическая связь убедила вас, что эти отношения не случайны.

Кайрен нахмурился.

- Ты говоришь так, будто составляешь перечень.
- Пока это единственный способ разобраться.

Он посмотрел на меня с болезненным недоверием.

— Ты действительно ничего не чувствуешь?

Вопрос застал меня врасплох.

— По отношению к чему?

— Ко всему, что я сейчас сказал.

Я почувствовала раздражение.

Он явно ждал от женщины, которой меня считал, определённой реакции.

— А что именно я должна чувствовать?

— Не знаю.

— Тогда почему вас удивляет мой ответ?

Кайрен резко встал.

— Потому что три дня назад ты плакала и говорила, что я уничтожаю всё, что между нами было.

Я замерла. До сих пор это была абстрактная история плохого брака, но всего несколько дней назад напротив этого мужчины сидела конкретная женщина и пыталась его удержать.

— Ты просила ещё несколько месяцев, — продолжил Кайрен. — Говорила, что лечение наконец начало помогать, что тебе становится лучше и ты сможешь всё исправить.

Каждое следующее предложение звучало чуть жёстче предыдущего.

— Я уже соглашался ждать. Не один раз. Каждый раз всё начиналось заново. Новый лекарь, новая схема лечения, обещание, что через месяц тебе станет легче. Потом новый приступ и снова просьба ничего не решать.

Он говорил негромко, однако в этой сдержанности накопилось столько усталости, что я почти могла представить месяцы и годы до моего появления.

Правда, пока только со стороны Кайрена.

Лиана пока оставалась для меня пустым местом, которое другие люди заполняли собственными воспоминаниями.

— А теперь ты смотришь на меня, как будто мы обсуждаем брачный договор двух незнакомых людей, — закончил он.

— Для меня так и есть.

Он заметно побледнел, и я сразу пожалела о своей формулировке.

Она была правдивой для меня и жестокой для него.

— Я не хотела...

— Нет. Всё в порядке.

По тону было ясно, что ничего не в порядке.

Он отвернулся.

И в тот же момент боль ударила в грудь.

Не та странная тяжесть, к которой я почти привыкла, а резкий внутренний спазм, словно что-то натянулось слишком сильно и сразу отпустило.

Я втянула воздух.

Комната качнулась.

Кайрен обернулся мгновенно.

— Что случилось?

— Не знаю.

Я попыталась выпрямиться, но от движения стало только хуже. Тошнота подступила к горлу, перед глазами на несколько секунд потемнело.

Кайрен оказался рядом раньше, чем я успела попросить помощи.

Его ладонь легла мне под локоть, другая поддержала за спину.

И тело узнало это прикосновение.

Настолько хорошо, что меня испугала не боль.

Он даже не смотрел, куда ставит руки. Не искал удобное положение и не спрашивал, как меня придержать. Просто сделал это так, словно проделывал десятки раз.

Я тоже каким-то невозможным образом знала, что произойдёт дальше, где окажется его ладонь, насколько близко он наклонится.

Тело уже начало это движение прежде, чем я осознала.

Я остановила себя и отстранилась. Получилось слишком резко.

Кайрен сразу разжал руки.

На его лице появилось выражение, которого я прежде не видела. Не гнев. Скорее короткое потрясение от того, что знакомый жест внезапно оказался нежелательным.

— Я не...

— Всё нормально. Мне просто нужно посидеть.

Я положила ладонь на грудь и сосредоточилась на дыхании.

Он не отходил ещё несколько секунд.

— Позвать лекаря?

— Если не пройдёт.

Кайрен посмотрел на меня так, будто собирался возразить, но в итоге только отступил.

Боль постепенно ослабла. Осталась тяжесть и неприятная пустота после неё.

Я подняла голову.

Кайрен всё ещё стоял рядом.

— Такое происходило раньше? Именно такая реакция?

— Иногда после приступов связь становилась болезненной.

— А после лечения?

— Не знаю. Я ещё не видел тебя после него.

Ответ был очевидным, и я досадливо поморщилась про себя: опять поспешила с выводами.

Я всё время искала объяснение тому, как оказалась здесь, но Кайрен не обязан был его знать.

— Лиана, — сказал он осторожнее. — Если ты действительно ничего не помнишь, мы можем отложить разговор на несколько дней.

Предложение было разумным. Но несколько дней ничего принципиально не меняли: память Лианы не вернётся по моему желанию, а этого мужчину я не начну любить только потому, что её тело помнит его прикосновения.

— Не нужно откладывать развод из-за моей памяти. Документы я сначала прочитаю и условия хочу понимать. Но если вопрос в том, согласна ли я в принципе, — да.

Кайрен замер.

— Ты согласна?

— На развод — да.

Он медленно сел напротив. Вместо ожидаемого облегчения на лице было растерянность.

— Три дня назад ты сказала, что никогда не согласишься добровольно.

— Значит, три дня назад я думала иначе.

— Из-за потери памяти?

— Возможно. Я не помню отношений, которые пыталась сохранить, и не могу испытывать к вашему решению те же чувства.

Кайрен смотрел на меня не отрываясь.

— И тебя это не пугает?

— Пугает.

Пугало почти всё: чужое тело, чужой мир, неизвестность о Земле и даже то, что рассказы о переселении душ здесь существовали, хотя лекарь не считал их объяснением моего состояния. Развод с незнакомым мужчиной просто не входил в список самых страшных вещей.

— Но не сам развод, — добавила я.

Он хотел уйти и уже строил отношения с другой женщиной. Я не видела причины удерживать его только потому, что Лиана ещё три дня назад хотела другого.

— Я не стану препятствовать процедуре, если условия окажутся нормальными, — сказала я. — Мне нужно будет понять, что после развода остаётся у меня, где я буду жить и чем смогу распоряжаться самостоятельно.

Кайрен снова посмотрел на меня странно.

— Ты говоришь об этом так, будто собираешься вести переговоры.

— А разве не собираюсь?

— Раньше тебя почти не интересовали условия.

— Почему?

— Потому что ты была уверена, что до них не дойдёт.

Мне стало неловко от того, как много чужой боли помещалось в этой простой фразе. Лиана действительно верила, что сможет остановить развод. Наверное, до самого последнего момента.

— Теперь дойдёт, — сказала я мягче.

Кайрен отвёл взгляд. На этот раз молчание между нами не было враждебным. Просто двое людей сидели напротив друг друга и понимали одну и ту же ситуацию совершенно по-разному.

Он видел жену, с которой когда-то был близок, потом перестал понимать, а теперь будто совсем не узнавал.

Я видела незнакомого мужчину, который знает о моём теле и жизни больше меня.

Такая близость пугала едва ли не сильнее полной неизвестности.

— Поверенный подготовит окончательные бумаги, — сказал Кайрен. — Я попрошу его приехать, когда лекарь разрешит тебе заниматься делами.

— Хорошо.

— Ты можешь взять другого поверенного, если не доверяешь моему.

Это я оценила.

— Возьму, если сочту нужным.

В его глазах снова мелькнуло удивление. Кажется, ему придётся привыкать к этой реакции.

Кайрен поднялся.

Мне показалось, что разговор закончен, но у двери он остановился.

— Есть ещё один вопрос.

— Какой?

Он не сразу ответил.

— Ты действительно не помнишь меня совсем?

Я уже отвечала на это несколько раз. Однако сейчас вопрос звучал иначе — не как проверка симптомов, а как личный.

Я посмотрела на него внимательнее. Красивый мужчина, которого я встретила впервые несколько минут назад.

И одновременно человек, присутствие которого тело узнавало раньше голоса.

— Нет, — сказала я. — Но иногда мне кажется, что помнит тело.

Его лицо почти не изменилось.

— Я не знаю, что с этим делать.

— Я тоже.

Это была, пожалуй, первая вещь, в которой мы действительно понимали друг друга.

Кайрен взялся за дверную ручку, однако снова задержался.

— Лиана.

Я ждала.

— Я не хотел, чтобы всё закончилось именно так.

Фраза могла означать слишком многое.

Я не знала, что именно он подразумевает под «так»: болезнь, развод, последние месяцы, потерю памяти — возможно, всё сразу.

— Но вы хотели, чтобы закончилось, — сказала я.

Он посмотрел на меня через плечо.

— Да.

Этот ответ дался мне легче, чем любые попытки смягчить правду.

— Тогда, наверное, лучше закончить нормально.

Кайрен ничего не сказал.

Он вышел и тихо закрыл дверь.

Я ещё некоторое время сидела в кресле, прислушиваясь к удаляющимся шагам.

Странное ощущение в груди слабело вместе с расстоянием. Сначала исчезло тепло, потом ослабло внутреннее давление, а спустя несколько минут осталось только привычное ощущение чужого тела.

С расстоянием вернулись вопросы, которые Кайрен на время вытеснил: наблюдавший Лиану лекарь, последняя схема лечения, специалисты по ядру и сами истории о переселении душ.

Этого было ничтожно мало, но теперь я хотя бы понимала, где искать дальше.

Мара вернулась примерно через четверть часа с подносом.

— Вам плохо?

— Нет. Просто устала.

Я не хотела обсуждать с ней Кайрена и всё ещё не знала, насколько здесь принято посвящать слуг в семейные дела.

— Лекарь велел вам сегодня больше не вставать.

— Я уже поняла, что у него довольно последовательная позиция по этому вопросу.

Мара едва заметно улыбнулась.

Когда она поправляла покрывало, я снова увидела бледную полоску на безымянном пальце.

— Где моё обручальное кольцо?

— Его сняли перед лечением. Украшения в вашем футляре.

— Принесите, пожалуйста.

Вскоре она вернулась с небольшой деревянной коробкой.

Внутри лежали серьги, тонкая цепочка с кулоном, кольца и несколько украшений, назначение которых я пока не понимала.

Обручальное кольцо узнала сразу. Оно было простым по сравнению с остальными. Тёмное золото, тонкий узор по краю и маленький светлый камень, почти утопленный в металл.

Я взяла его, на внутренней стороне была гравировка.

Два имени: Лиана и Кайрен.

Рядом стояла дата, которую я пока не умела соотнести со своим календарём.

Я медленно надела кольцо на палец.

Оно село точно на бледную полоску.

Внутри ничего не произошло.

Никакой магической вспышки, боли или внезапного воспоминания.

Просто кольцо оказалось на месте.

Я несколько секунд смотрела на него и пыталась представить женщину, которая годами носила его на пальце.

Когда-то влюблённую и, наверное, счастливую. Потом больную, всё более зависимую от лечения и мужа, который постепенно отдалялся.

Я знала о Лиане ничтожно мало — и всё со слов людей, видевших её каждый со своей стороны: лекарь как пациентку, Мара как женщину под присмотром, Кайрен как жену из разорванного брака.

Саму Лиану я пока не слышала ни разу. Даже её собственные записи мне ещё не попадались.

Я сняла кольцо.

Положить его обратно в футляр оказалось сложнее, чем ожидалось. Я не чувствовала к нему ничего, но впервые по-настоящему подумала о том, что эта вещь не моя.

Как и платье, которое наденут на меня после выписки.

Как имя, которым меня называют.

Как деньги, которыми я, вероятно, буду пользоваться.

Как муж, который только что попросил согласия на развод.

И даже жизнь Лианы, о которой я всё ещё не знала главного.

Я не могла утверждать, что она жива.

Не могла утверждать, что умерла.

Если со мной произошёл настоящий обмен, она могла оказаться в моём теле на Земле. Если никакого обмена не было, тогда объяснение могло оказаться ещё хуже.

Пока у меня не существовало ни одного доказательства.

Я положила кольцо в коробку.

Неожиданно я вспомнила собственный развод.

Михаил сидел напротив меня за нашим кухонным столом, и между нами остывал чай. Мы прожили вместе почти девять лет и к тому моменту уже несколько месяцев ходили вокруг разговора, который оба понимали.

Никто никого не предал.

Не было другой женщины, тайной переписки или разбитой посуды.

Просто в какой-то момент мы перестали спорить о конкретных вещах и начали спорить о том, какой должна быть наша жизнь.

Михаилу хотелось жизни, которую мы действительно делили бы на двоих.

Не квартиры, в которой два человека иногда совпадают вечерами. Не отпуска, который приходится искать между моими командировками и его рабочими сроками. Не разговоров о том, что вот закончится следующий проект, станет поспокойнее — и тогда мы наконец начнём жить нормально.

Ему хотелось завтракать со мной по утрам. Знать, буду ли я дома в пятницу. Строить планы не на свободное окно в календаре, а на несколько лет вперёд.

А я слишком долго не понимала, почему того, что у нас есть, ему недостаточно.

Мне нравилась моя работа. Нравилось уезжать на несколько недель, разбираться с очередной гостиницей, возвращаться домой и знать, что здесь меня ждут, но никто не требует от меня отказаться ради этого от остальной жизни.

Михаил не просил меня увольняться.

Я не просила его научиться довольствоваться редкими вечерами вместе.

Но постепенно каждый из нас начал чувствовать, что другой должен измениться, чтобы брак снова стал счастливым.

Мы пытались.

Я отказывалась от части поездок и через несколько месяцев ловила себя на том, что злюсь на него за решение, которое приняла сама. Михаил убеждал себя, что ему достаточно нашей прежней жизни, а потом однажды сказал:

— Ань, я не хочу ещё десять лет ждать, когда у нас появится время друг на друга.

И самым страшным было то, что я не нашла, что ответить.

Потому что могла пообещать приехать раньше. Взять меньше проектов. Чаше откладывать телефон.

Но не могла честно пообещать стать человеком, которому нужна такая же жизнь, как ему. Я тогда плакала.

Он тоже.

Через несколько месяцев мы развелись.

Было больно, но ни один из нас не пытался убедить другого, что сама судьба доказала его неправоту.

Закрытая коробка всё ещё была передо мной. У Лианы всё происходило иначе: ей пришлось не просто потерять брак, а услышать, что существует магическое доказательство предназначенности мужа другой женщине — и всё равно просить его остаться.

Я не могла знать, правильно ли она делала и насколько болезнь сделала её зависимой. Возможно, Кайрен действительно имел право уйти.

Но впервые с момента пробуждения Лиана перестала быть для меня просто именем чужого тела. Всего несколько дней назад она сидела напротив этого мужчины и пыталась сохранить жизнь такой, какой её знала.

А потом с ней что-то произошло. Что именно — мне ещё предстояло выяснить.

Я открыла футляр ещё раз и провела пальцем по обручальному кольцу.

Возвращаться к Кайрену я не собиралась. Не собиралась и изображать его жену лучше, чем требовалось для собственной безопасности.

Но если мне предстояло прожить здесь хотя бы несколько дней, я больше не могла позволить себе узнавать Лиану только из чужих рассказов.

Мне нужно было найти её собственные вещи: документы, медицинские назначения, записи, если они существовали, — и отдельно всё, что могло рассказать о последнем лечении.

Не для того, чтобы стать Лианой, — мне нужно было понять, что с ней произошло и есть ли в этой истории хоть что-нибудь, что поможет мне вернуться домой.

Глава 3.

Из лечебного дома меня отпустили через два дня после разговора с Кайреном.

За это время я успела выяснить, что местные лекари не менее настойчивы, чем земные врачи: вместо анализов и мониторов у них были светящиеся кристаллы и металлические пластины со знаками, а на сложные вопросы они с той же уверенностью советовали больше спать.

Я спросила, существуют ли специалисты, которые занимаются душой отдельно от магического ядра. Оказалось, есть исследователи нарушений связи души, тела и ядра, но подтверждённых случаев переселения души лекарь не знал — только истории и старые тексты.

Когда я попыталась выяснить, можно ли определить, где находится отделённая от тела душа, он уже откровенно насторожился. Я прекратила расспросы: границу между настойчивой пациенткой и пациенткой, которую стоит оставить под наблюдением, проверять не хотелось.

К выписке вопросов стало больше, а способа вернуться домой так и не появилось. Значит, поиск мог занять дольше нескольких дней — и всё это время мне всё равно где-то придётся жить.

На последнем осмотре я уже дошла до кабинета лекаря сама. Медленно, потому что после десяти минут на ногах начинала кружиться голова, но без поддержки.

Он разрешил мне покинуть лечебный дом при трёх условиях: не пользоваться магией, не отправляться в дальнюю дорогу и хотя бы несколько дней не оставаться без присмотра.

Последнее условие автоматически определило судьбу Мары.

— Я поеду с вами, — сообщила она, пока помогала собирать немногочисленные вещи. — Лекарь попросил остаться ещё на несколько дней.

— Вам за это платят?

Мара посмотрела на меня с лёгким удивлением.

— Конечно.

— Тогда я меньше чувствую себя виноватой.

Она не сразу поняла, шучу я или нет.

Экипаж уже ждал у входа.

— Куда мы едем? — спросила я, когда мы устроились внутри.

— В городской дом графа Даррэна. Ваши комнаты там подготовлены. До лечения было решено, что после выписки вы проведёте там несколько дней: дом Вейров почти не используется, а постоянной прислуги мало.

— Кайрен тоже там живёт?

— Когда находится в Керне.

Прекрасно. Разводящийся муж, жена с потерей памяти и временная сиделка под одной крышей — трудно придумать более удобный способ восстанавливаться после болезни.

Дом оказался трёхэтажным особняком за высокой каменной оградой. Широкие окна, строгий фасад, светлый камень и колонны у входа выглядели достаточно дорого, чтобы напомнить мне о простой вещи, которую я до сих пор понимала только теоретически.

Лиана была аристократкой.

Я знала титул мужа, видела одежду, украшения и лечебный дом, в котором её лечили, но всё это воспринималось отдельными деталями. Особняк сделал социальное положение Лианы физически ощутимым.

У входа нас встретили слуги.

Каждый, кто видел меня, демонстрировал примерно одну и ту же реакцию. Сначала короткая тревога, потом облегчение из-за того, что я способна идти самостоятельно, а следом осторожное любопытство.

Новости о потере памяти, очевидно, дошли сюда раньше меня.

Мне отвели комнаты на втором этаже.

Судя по всему, Лиана действительно жила здесь раньше. В шкафу висели её платья, на туалетном столике лежали украшения, а на полках стояли книги с заметками на полях. Несколько небольших предметов были расставлены слишком лично, чтобы их подготовили специально к моему приезду.

Я медленно прошлась по комнатам. Постель, кресло у окна, небольшой письменный стол, шкаф, туалетный столик — всё принадлежало женщине, о которой я знала меньше, чем некоторые люди в этом доме.

Мне одновременно хотелось открыть каждый ящик и не трогать ничего.

Я всё ещё не знала, что произошло с Лианой. Она могла погибнуть, существовать отдельно от тела или — если это был настоящий обмен — оказаться на Земле в моём.

Тогда она проснулась после операции в больнице, не понимает техники и ничего не знает о моей биографии. Подруга придёт меня забирать и встретит женщину, которая выглядит как я, но её не узнаёт.

Я подошла к окну. За стеклом лежал Керн: экипажи, прохожие, дым над крышами — и ни одного признака, что Земля вообще существует.

На секунду я очень ясно увидела телефон на больничной тумбочке. Лена наверняка уже звонила. Если моё тело пришло в сознание...

Я закрыла глаза. Домой я всё равно собиралась вернуться. Но это «пока» уже требовало практических решений.

На следующее утро я попросила Мару выяснить, кто занимается делами рода Вейр.

Она как раз ставила на стол завтрак и на секунду замерла.

— Родовым имуществом?

— Да.

— Часть дел вёл граф Даррэн.

— Я спрашиваю о Вейрах.

Мара слегка поджала губы.

За несколько дней я успела понять, что это выражение означает неодобрение, которое она не считает достаточным основанием для спора.

— У рода есть поверенный.

— Тогда попросите его приехать.

— Лекарь велел отдыхать.

— Я собираюсь разговаривать сидя.

Этот аргумент её не убедил, но и запретить встречу она не могла.

После завтрака я достала третий список. На первых двух были вопросы о лечении и всё, что я уже знала о себе и Лиане. Теперь нужны были ответы практические: где жить после развода, какие у Вейров деньги и долги, кто управляет имуществом, что может потребовать Кайрен и чем я вправе распоряжаться уже сейчас.

Проблема была не только юридической. Если Лиана жива где-то ещё, я собиралась принимать решения о её имуществе. Но отказ от решений ничего не сохранял в неприкосновенности: кто-то всё равно платил бы счета, подписывал бумаги и определял, где мне жить.

Разница была только в том, буду ли этим человеком я.

Поверенный Вейров приехал после обеда.

Ему было около пятидесяти. Он носил тёмно-серый сюртук без украшений и вошёл с кожаной папкой под мышкой.

На мою внешность отреагировал спокойно.

На вопросы — значительно менее спокойно.

— Госпожа Даррэн, прежде всего позвольте сказать, что я рад вашему восстановлению.

— Спасибо. Мне сказали, что вы занимаетесь делами Вейров.

— Уже много лет.

— Тогда, думаю, вы сможете мне помочь.

Он сел в кресло напротив.

— Мне сообщили о проблемах с вашей памятью.

Меня начинало раздражать, насколько широко распространилась эта информация, хотя я понимала необходимость.

— Они значительные. Поэтому давайте считать, что я ничего не помню об имущественных делах.

Поверенный кивнул.

— С чего вы хотите начать?

— Что принадлежит мне?

Он слегка поднял брови.

— Лично вам или роду Вейр?

— Объясните разницу.

Следующие полчаса заставили меня признать, что моя идея быстро разобраться в юридическом положении была излишне оптимистичной.

Местное право отличалось от знакомого мне не меньше, чем медицинская система.

Однако основные принципы я поняла.

Родовое имущество Вейров не становилось собственностью Кайрена после брака.

— То есть Кайрен не владеет имуществом Вейров, но управляет частью активов по моим полномочиям?

— Именно так.

— Я могу их отозвать до развода?

— В любое время. Вы остаётесь собственницей. После развода полномочия из брачного соглашения прекратятся автоматически; отдельные доверенности действуют до отзыва или окончания срока.

— Тогда подготовьте перечень всех доверенностей.

Поверенный посмотрел на меня внимательнее, но кивнул.

— И Кайрен не может претендовать на родовые активы?

— Нет. Совместно полученные доходы и приобретённое в браке имущество рассматриваются отдельно, но основная часть вашей собственности принадлежала вам до брака или получена по наследству.

Это была первая по-настоящему хорошая новость.

— Ещё один вопрос, — сказала я. — Что теперь будет стоять перед моим именем в документах?

Поверенный поднял взгляд от папки.

— Ваш собственный титул. Баронесса Вейр.

— Я была баронессой и до развода?

— Вы унаследовали титул после смерти родителей. В браке вас обычно именовали графиней Даррэн, поскольку титул вашего супруга выше. Прав на имущество Вейров это не меняло.

Я записала новое обращение рядом с перечнем доверенностей. За последние дни выяснилось, что Лиане принадлежали дом, гостиница, долги и титул. Мне пока не было ясно, как она жила со всем этим прежде. Зато становилось понятнее, за что придётся отвечать теперь.

— Сколько у меня доступных денег?

Поверенный назвал суммы на нескольких счетах. Они ничего мне не сказали.

— Я пока плохо ориентируюсь в ценах. Если убрать содержание большого дома, дорогие поездки и лишнюю прислугу — на сколько хватит этих средств без нового дохода?

— Надолго. Но значительная часть доходов рода уже связана обязательствами.

Он перечислил земельные платежи, содержание недвижимости, договоры и кредит.

— Какой кредит?

— Связанный с «Белым грифоном». Гостиницей Вейров в Ренвале. Тридцать два номера.

Я подняла голову.

— Она работает?

Поверенный помедлил.

— Да.

— Приносит прибыль?

— Последние годы нет.

Я отложила перо.

— Тогда расскажите подробнее.

Оперативно гостиницей управлял человек в Ренвале, которого ещё назначили родители Лианы. После их смерти договор несколько раз продлевали, а работу контролировали по отчётам.

Заодно выяснилось, что Лиана была единственным ребёнком и близких родственников, участвующих в делах Вейров, не осталось. Поверенный и ещё два человека контролировали гостиницу со стороны собственности. Кайрен получал часть отчётности как её представитель, но непосредственно объектом не управлял.

— Кредит обеспечен гостиницей?

— Да.

— Насколько велик долг?

Поверенный назвал сумму.

Я снова попросила перевести её в понятную мне форму.

— Сколько это в годовой выручке самой гостиницы?

Он задумался и открыл другой лист.

— При нынешних показателях слишком много. При нормальной работе, вероятно, около восьми или десяти месяцев выручки.

Я записала. Долг был большим, но не обязательно смертельным.

— Где я могу жить после развода?

— В городском доме Вейров. Есть несколько меньших владений. При гостинице тоже предусмотрены комнаты владельца, хотя я не знаю, в каком они сейчас состоянии.

— Дом Вейров в Керне сейчас пустует?

— Почти. Там несколько слуг и смотритель.

Это объясняло, почему после лечебного дома меня отправили к Кайрену.

— Почему им так давно не пользуются?

— В последние годы вы предпочитали жить либо здесь, либо в лечебных учреждениях. Поддерживать два городских дома в полном штате не имело смысла.

Ещё одно решение, которое когда-то принимала Лиана.

— Что ещё у Вейров осталось?

Перечень оказался длиннее, чем я ожидала, но значительно менее впечатляющим, чем можно было подумать по слову «дворянство»: несколько земельных участков, городской дом, доля в двух небольших предприятиях, гостиница и ещё несколько объектов, которые либо почти не приносили дохода, либо требовали расходов.

К концу разговора вывод был довольно прост: Лиана была обеспеченной женщиной, но далеко не настолько богатой, чтобы годами игнорировать убыточные активы.

— Мне нужны документы по крупным активам: доходы, расходы, долги, залоги и договоры управления. По «Белому грифону» отдельно — кредит и последние отчёты.

Поверенный снял очки.

— До болезни вы почти не занимались текущими делами.

— Из-за болезни?

— Главным образом. Раньше вы знали об общем состоянии имущества, но предпочитали поручать управление специалистам.

— Это разумно, пока специалисты не управляют гостиницей в убыток несколько лет.

Он едва заметно улыбнулся.

— И подготовьте перечень полномочий графа Даррэна. Я хочу понять, какие из них можно отозвать и что произойдёт на следующий день после отзыва.

— Всех сразу отзывать не будете?

— Нет. Эффектный жест — плохая замена пониманию системы.

Поверенный кивнул.

— Это разумно.

— Я стараюсь.

Документы начали привозить на следующий день.

Поверенный прислал три папки по основным активам, отдельную выписку по полномочиям Кайрена и письмо, в котором очень вежливо советовал мне не пытаться изучить всё за один день.

Я последовала этому совету примерно первые двадцать минут.

Местная документация оказалась достаточно неудобной, чтобы быстро сбить с меня лишнюю уверенность.

Я понимала язык, но не знала профессиональных терминов. Некоторые слова приходилось выписывать отдельно. Денежные суммы записывались привычными цифрами, однако система сокращений отличалась от земной. Крупные платежи подтверждались банковскими расписками, а договоры постоянно ссылались на законы, о существовании которых я узнавала непосредственно в момент чтения.

Несколько раз я автоматически искала итоговую таблицу. Её не было. Приходилось собирать показатели вручную из отчётов, счетов и записей управляющих.

Через час начала болеть голова.

Я отложила бумаги, легла на кушетку и почти двадцать минут честно выполняла врачебную рекомендацию отдыхать. Потом вернулась, потому что впервые после пробуждения столкнулась с проблемой, которую хотя бы частично понимала.

Плохо организованная документация не меняла основных законов бизнеса. Доход можно было сравнить с расходом. Долг — с возможностями его обслуживать. Количество гостей — с количеством проданных номеров.

А постоянное отсутствие ясной картины почти всегда означало, что либо её никто не собирает, либо кому-то удобно, чтобы её не было.

К вечеру я дошла до «Белого грифона».

Через двадцать минут забыла об остальных папках.

Тридцать два номера: двадцать обычных, восемь улучшенных, четыре дорогих апартаментов.

Я стала искать загрузку — около тридцати процентов.

Перечитала цифру, потом предыдущий отчёт, потом ещё один.

Картина почти не менялась.

— Да вы издеваетесь, — пробормотала я.

Мара, сидевшая у окна с рукоделием, подняла голову.

— Простите?

— Не вы.

Я показала на бумаги.

— Они.

Она посмотрела на папку, но уточнять не стала.

Согласно отчётам, гостиница находилась в хорошем месте. В старых документах упоминались торговцы, чиновники и состоятельные путешественники, регулярно останавливавшиеся в Ренвале.

При этом последние годы доходы снижались, расходы росли, ремонт переносился, а жалобы гостей появлялись всё чаще.

Управляющий раз за разом объяснял ухудшение внешними обстоятельствами. Я знала этот жанр. На Земле он чаще всего назывался «сложная ситуация на рынке».

Иногда рынок действительно был виноват. Но если в одном отчёте падение объясняли погодой, в следующем конкуренцией, потом дороговизной поставок, а ещё через полгода изменением привычек путешественников, мне становилось интересно посмотреть не на рынок, а на управление.

Расходы на персонал почти не менялись вместе с загрузкой. Закупки продуктов в некоторые периоды росли даже при меньшем количестве гостей. Ремонт вроде бы постоянно откладывали, однако отдельные счета за работы возникали регулярно.

А потом я дважды ошиблась.

Сначала сравнила периоды разной продолжительности и увидела несуществующий рост расходов. Потом приняла городской сбор за гостиничный налог, хотя он относился к обслуживанию защитной системы района.

Я закрыла папку. Восемнадцать лет гостиничного опыта не превращали этот мир в знакомый.

Пришлось оставить только то, в чём я была уверена: количество номеров, загрузку, общую выручку, расходы, кредит и обязательные платежи.

Старые отчёты показывали, что несколько лет назад гостиница работала заметно лучше — значит, спрос существовал. Причин нынешней убыточности я пока не знала, зато знала вопросы: почему расходы на персонал и закупки не следуют за загрузкой, кто утверждает расходы и проверяет поставщиков, как формируют цены, разбирают жалобы и отвечают за ремонт.

Я обнаружила, что уже записываю всё на отдельный лист. Почерк был Лианы, вопросы — мои, и впервые это соседство не вызвало немедленного отторжения.

Медицинские бумаги я нашла не среди документов поверенного.

Это произошло вечером, когда я уже слишком устала от цифр и решила наконец разобрать письменный стол в своих комнатах.

Я долго не решалась его открывать.

Деловые бумаги Вейров касались имущества, которым мне всё равно придётся заниматься. Личные ящики были другой территорией.

Но после разговора с врачом и Кайреном мне нужны были сведения о лечении.

Внизу лежали счета лечебного дома, аптеки, диагностики ядра и консультаций. Имя Марека Сольта встречалось несколько раз: раньше он участвовал в лечении Лианы и считался специалистом по сложным нарушениям ядра.

В следующей папке были назначения. Здесь моя уверенность закончилась: названия препаратов, дозировки, сокращения и отметки о состоянии ядра ничего мне не говорили. Я смогла разложить бумаги по датам, но не понять даже наверняка, что именно означают цифры.

Через двадцать минут пришлось признать очевидное. В гостиничной отчётности я могла хотя бы определить, какой вопрос задать. Здесь не была уверена даже в том, что правильно читаю строку.

Я сложила медицинские бумаги отдельно, чтобы потом показать их человеку, способному объяснить содержание. Самостоятельно строить теории я не собиралась.

Следующим я открыла небольшой верхний ящик, там лежали письма. Несколько уже были запечатаны или сложены аккуратными стопками. Другие выглядели как черновики.

На верхнем листе стояло имя Кайрена.

Я невольно прочитала первую строку.

«Я не знаю, как ещё объяснить тебе, что со мной происходит...»

На этом остановилась.

Лист остался в моей руке.

Мне отчаянно нужна была информация о Лиане.

Возможно, в этом письме находились ответы на вопросы о последних месяцах брака.

Но это был не медицинский документ и не договор, от которого зависели мои деньги или жильё. Это было письмо женщины мужу.

Я положила его обратно, не переворачивая страницу.

Жить в чужом теле уже означало нарушать слишком много границ без разрешения.

Хотя бы некоторые из них я могла не переступать добровольно.

Я закрыла ящик.

Первая строка всё равно осталась в памяти.

«Я не знаю, как ещё объяснить тебе, что со мной происходит...»

Кайрен рассказывал, что Лиана просила его подождать, обещала, что станет лучше, пыталась сохранить брак.

Его версия звучала как история женщины, которая не могла принять конец отношений.

Эта единственная строка звучала иначе — как попытка быть услышанной.

Я не знала, что было написано дальше.

И пока не собиралась придумывать.

На следующий день ближе к вечеру Кайрен вошёл в библиотеку, куда я перенесла часть деловых бумаг. Тело узнало его раньше, чем я подняла голову: тепло в груди стало ощутимее.

Я продолжила читать ещё несколько секунд из чистого упрямства.

— Мне сказали, что ты здесь.

— Очевидно, не ошиблись.

Он посмотрел на заваленный бумагами стол.

— Лекарь разрешил тебе заниматься делами?

— Он разрешил читать.

Кайрен заметил название папки.

— «Белый грифон»? Ты решила заняться гостиницей?

— Пока только понять, что с ней происходит.

— Почему именно она?

— Потому что убыточна.

— Именно поэтому тебе не стоит с неё начинать. Здание требует ремонта, Ренваль далеко от столицы, кредит никуда не исчезнет.

— Я и не рассчитывала. Сначала хочу увидеть гостиницу и понять, почему показатели годами ухудшаются.

Кайрен нахмурился.

— Ты собираешься ехать в Ренваль?

— Когда лекарь разрешит дорогу.

— Там нет ничего, что нельзя поручить управляющему или поверенному.

— Управляющий и пишет эти отчёты. Если каждый год он объясняет ухудшение новой внешней причиной, я хочу проверить объяснения на месте.

Кайрен посмотрел на бумаги.

— Ты уверена, что правильно их читаешь?

Вопрос был неприятным, но справедливым.

— Не всегда. Я уже дважды ошиблась в местных обозначениях, поэтому отделяю то, что понимаю, от того, чего пока не понимаю.

Я показала на лист.

— Загрузка — около тридцати процентов. Расходы на персонал почти не меняются вместе с числом гостей, закупки тоже ведут себя странно. Причина может быть разумной. Но я хочу её услышать.

— Гостиница давно нуждается в ремонте, а денег на полную реконструкцию у Вейров нет.

— Я её и не планирую. Сначала здание, процессы, документы и люди.

Он выдохнул.

— Ты говоришь так, будто занималась этим каждый день.

Опасное замечание.

— Возможно, навыки возвращаются раньше воспоминаний.

— Ты никогда не управляла гостиницей.

— Значит, будет интересно выяснить, почему её отчёты я понимаю лучше собственной биографии.

— Поверенный сказал, что часть решений по «Белому грифону» проходит через вас.

Кайрен едва заметно напрягся.

— Крупные обязательства, кредитные вопросы, некоторые договоры. Повседневное управляют в Ренвале.

— Я собираюсь отозвать ваши полномочия по гостинице до поездки.

Он не выглядел оскорблённым — скорее сразу считал последствия.

— Тогда платежи банку, продление договоров и крупные расходы станут твоей ответственностью.

— Именно поэтому я не отозвала всё сразу.

Кайрен задержал взгляд на моём лице.

— Хорошо. Это твоё имущество. Ты вправе вернуть управление.

Я ожидала спора и на секунду не нашлась.

— Спасибо.

— Благодарить меня здесь не за что.

Потом Кайрен указал на лежавший передо мной договор.

— Ты неправильно поняла этот пункт.

— Какой?

Он подошёл ближе.

— Вот этот.

Я развернула документ.

Кайрен наклонился над столом, положив ладонь рядом с листом.

И сразу оказался слишком близко.

Сначала я почувствовала запах — кожа, холодный воздух и что-то древесное. Он был знакомым. Точнее, знакомым телу. Тепло в груди усилилось почти сразу.

Я заставила себя смотреть на строчку, куда он указывал.

— Здесь речь не об обычной просрочке, — объяснил Кайрен. — Банк получает право начать взыскание при систематическом нарушении графика.

Он говорил о договоре, и я старалась слушать, но его плечо было слишком близко, а рука лежала в нескольких сантиметрах от моей. Хуже всего было ощущение правильности этого расстояния.

Будто именно здесь он и должен стоять.

Тело уже знало, как слегка повернуться к нему.

Как не обращать внимания на близость.

Возможно, когда-то Лиана вообще прислонялась к этому плечу, пока они вместе читали бумаги.

Я отодвинула стул.

Ножки стула негромко скользнули по полу.

Кайрен сразу выпрямился.

На секунду наши взгляды встретились.

Он заметил.

Конечно, заметил.

Мне становилось всё неприятнее от того, что этот мужчина способен прочитать реакцию тела лучше меня.

Я подтянула договор ближе.

— Значит, один задержанный платёж не даёт банку права сразу забрать гостиницу. Насколько мы близки к систематическому нарушению?

— Пока график соблюдается.

— За счёт самой гостиницы?

Кайрен помедлил.

— Не полностью. Несколько лет часть платежей периодически покрывали другие активы Вейров.

Это совпадало с общей отчётностью.

— То есть одна часть имущества поддерживает другую. И долго так можно продолжать?

— Не бесконечно.

— Тогда мы хотя бы согласны в одном.

Кайрен нахмурился.

— Ты думаешь, я этого не понимаю?

— Я думаю, что все это понимают уже несколько лет, а гостиница работает по-прежнему.

— Изменить ситуацию сложнее, чем тебе сейчас кажется.

— Возможно. Я ещё не видела гостиницу и не собираюсь утверждать, что знаю, как её спасти.

— Но ехать всё равно собираешься. Почему?

— Мне нужно где-то жить после развода.

— У тебя есть дом в Керне. Ты можешь содержать его долго.

— Могу. Но не хочу сидеть там и постепенно тратить деньги, ожидая неизвестно чего.

— Чего ты ждёшь?

Опасный вопрос.

— Возвращения памяти. Объяснения того, что со мной произошло. Возможно, другого лечения.

Это было достаточно близко к правде.

— И пока ждёшь, решила заняться гостиницей?

— Пока жду, решила не становиться полностью зависимой от людей, которых не помню.

Это не обвинение лично вам. Я просто не могу строить жизнь на предположении, что кто-то другой всегда решит мои проблемы.

Кайрен отвёл взгляд.

— Ты раньше не считала помощь зависимостью.

— Возможно, раньше я помнила людей, от которых её принимала.

— В Ренвале будет неудобно.

— Переживу.

— Здание старое.

— Я видела цифры по ремонту.

— Управляющий тебе не понравится.

— Вы его знаете?

— Достаточно.

— И всё равно оставили на месте?

Кайрен нахмурился.

— Он был управляющим Вейров задолго до того, как я получил полномочия по части имущества. Уволить человека, которого выбрала твоя семья, без твоего согласия было не так просто.

Я остановилась.

— Я была против?

— Ты не хотела заниматься этим вопросом. Потом состояние ухудшилось, и тема постоянно откладывалась.

Теперь история гостиницы складывалась куда логичнее.

Не Кайрен годами спокойно наблюдал за плохим управлением.

Система застряла между старым управляющим, больной собственницей, поверенными и мужем, который имел полномочия только на часть решений.

Очень знакомая разновидность корпоративной катастрофы.

Когда у проблемы слишком много ответственных, ответственного обычно нет вовсе.

Кайрен покачал головой.

— Ты считаешь, что после нескольких дней с бумагами справишься лучше людей, которые знают гостиницу годами?

— Нет. Знание предприятия и способность нормально им управлять — не одно и то же.

— А ты не допускаешь, что ошибаешься?

— Постоянно. Я уже дважды неправильно прочитала местные документы. Не знаю города, персонала, цен, поставщиков и даже нормальной цены номера в Ренвале. Поэтому не собираюсь приезжать и раздавать распоряжения в первый час. Сначала буду смотреть и спрашивать.

Он слушал внимательно.

— А если гостиницу не спасти?

— Тогда решим, что делать с активом. Возможно, продадим.

В его лице мелькнуло одобрение.

— По крайней мере, ты не решила, что способна совершить чудо.

— Чудеса пока принесли мне достаточно неприятностей.

— Когда лекарь разрешит дорогу, я не стану препятствовать поездке, — сказал он.

Я аккуратно выровняла лежавшие передо мной листы.

— Я и не просила разрешения.

Кайрен медленно вдохнул. Я ожидала раздражения, но вместо этого он кивнул.

— Справедливо.

Этот ответ обезоружил сильнее, чем спор.

Он направился к двери, но остановился.

— Если отзовёшь мои полномочия по гостинице, предупреди поверенного заранее. Банку понадобится уведомление, иначе часть документов продолжат отправлять в мою канцелярию.

— Хорошо.

— И не соглашайся ни на какие изменения кредитного договора, пока его не проверит человек, который понимает банковское право.

Я не ожидала от него такого предостережения.

— Это забота?

— Это совет.

— Тогда разумный.

Уголок его рта едва заметно дрогнул — улыбка, но слишком короткая, чтобы я могла быть уверена.

Кайрен вышел. Тепло в груди начало медленно стихать. И снова меня раздражало, что я это замечаю.

В тот же вечер я написала поверенному, и попросила подготовить отзыв полномочий Кайрена по «Белому грифону» так, чтобы переход управления не нарушил платежи и действующие договоры.

Не немедленно, а с даты, когда я смогу выехать в Ренваль.

Так было разумнее.

Если бы на Земле клиент предложил мне в первый день сменить всю систему управления просто потому, что хочет показать решительность, я бы первой назвала это глупостью.

Не было причин становиться глупее только потому, что теперь решение касалось меня самой.

После письма я снова открыла гостиничную папку.

На верхнем листе было выведено название:

«Белый грифон».

Я смотрела на него и пыталась понять, что именно сейчас делаю.

Гостиницу я пока не выбирала — только проблему.

Я не знала, смогу ли жить в Ренвале, можно ли спасти предприятие и окажусь ли вообще в этом мире через месяц, если найду способ вернуться на Землю.

Поиск дороги домой никуда не исчез.

Завтра я собиралась снова спросить лекаря о Мареке Сольте. Потом хотела попросить поверенного выяснить, существуют ли в Керне специалисты, которые изучают необычные состояния души и ядра.

Но я больше не могла жить так, словно до ответа оставалось несколько часов.

Мне требовались деньги, жильё, право принимать решения без Кайрена и занятие, которое не сводилось к ожиданию следующего осмотра.

«Белый грифон» мог оказаться плохим выбором, но хотя бы этот выбор я могла сделать сама.

Я закрыла папку.

Домой я всё ещё хотела больше всего.

Просто до тех пор, пока не нашла дорогу обратно, мне нужно было научиться хотя бы чем-то в этой жизни распоряжаться самой.

Глава 4.

К утру отъезда с момента моего пробуждения прошло чуть больше недели, хотя по ощущениям эта неделя вместила куда больше событий. Накануне лекарь наконец разрешил дальнюю дорогу, если я буду регулярно отдыхать и задержусь на одной из остановок при ухудшении самочувствия.

Чужое тело, лечебный дом, муж, которого я не помнила, разговор о разводе, документы, имущество Вейров и гостиница в городе, название которого несколько дней назад ничего для меня не значило.

Теперь я собиралась туда ехать.

На кровати лежали три платья, ещё два Мара держала перед собой. Рядом одна из служанок, имя которой я не запомнила, помогала собирать сундук.

— Тёмно-синее удобнее в дороге, серое меньше мнётся. Если вы останетесь в Ренвале на несколько недель, лучше взять оба.

— Берём.

Оказалось, собрать вещи женщины, которой ты не являешься, сложнее, чем разобраться с её кредитом. Мы отобрали дорожную одежду, бельё, обувь, тёплую накидку и несколько повседневных платьев.

Когда Мара принесла украшения, духи, перчатки и дорогую светлую шаль, я посмотрела на два сундука у стены.

— Нам точно понадобится столько?

— Госпожа, это совсем немного.

— Конечно. Практически ручная кладь.

Мара улыбнулась. За последние дни она заметно спокойнее реагировала на мои странные вопросы и реплики.

Я открыла шкатулку.

Обручальное кольцо лежало отдельно от остальных украшений.

Я сняла его ещё после разговора с Кайреном в лечебном доме и больше не надевала.

Пальцы сами потянулись к нему, но я остановилась.

— Какие из этих вещей принадлежали Вейрам ещё до брака?

Служанка села рядом.

— Эту брошь я точно видела среди ваших семейных украшений. И вот эти серьги тоже. Кажется, серебряный гребень принадлежал вашей матери.

— А остальное?

Она начала перебирать вещи.

— Это подарок графа. И это тоже. Ожерелье, насколько я помню, он подарил вам после свадьбы. Про браслет не знаю.

Я отложила семейные украшения в небольшой дорожный футляр. Подарки Кайрена остались в большой шкатулке.

Мара наблюдала за мной несколько секунд.

— Вы хотите оставить всё здесь? Но подарки принадлежат вам.

— Юридически принадлежат. Но я не помню, когда их получила и что они значили для меня. Тащить их в Ренваль только потому, что имею право, мне не хочется.

— Граф может решить, что вы возвращаете подарки, — заметила служанка.

— Тогда скажите ему, что я ничего не возвращаю. Просто оставляю часть вещей здесь до тех пор, пока не решу, нужны ли они мне вообще.

Обручальное кольцо оказалось труднее всего положить обратно — не из-за моих чувств, а потому, что для Лианы оно явно значило слишком много.

Я закрыла шкатулку.

— Это тоже оставим.

Девушки не стали спрашивать почему. После украшений мы дошли до книг. Мара сняла с полки толстый том в тёмном переплёте.

— Эту вы брали с собой в лечебный дом. Она лежала возле вашей кровати.

— Значит, я её любила?

— Или долго пыталась дочитать.

На полях стояли короткие пометки почерком Лианы. Книгу я положила к вещам.

Впервые мне захотелось узнать о ней что-то, не связанное с болезнью, разводом и долгами: любимые книги, привычки, места, блюда, людей, которым она доверяла. Человек не может состоять только из того, что случилось с ним в худшие годы жизни.

Пока мне доставалась именно эта часть её биографии.

В дверь постучали. Мара открыла. На пороге стоял один из слуг.

— Госпожа Вейр, граф хотел бы поговорить с вами перед отъездом.

Я не сразу поняла, что он обращается ко мне.

Впервые меня называли госпожой Вейр.

Мара тоже это заметила.

— Значит, всё оформили.

— Похоже на то.

Слуга явно не понял, почему новость вызвала такую реакцию.

— Граф ждёт внизу.

— Передайте, что я спущусь через несколько минут.

Когда дверь закрылась, я снова посмотрела на кровать.

— Что осталось?

— Обувь.

— Давайте хотя бы её выберем без сложных моральных решений. Самую удобную.

Мара улыбнулась.

— Вы говорите так, будто обувь вас когда-то предала.

— У меня были туфли, которые заслужили именно такую формулировку.

На этот раз она рассмеялась.

Мара поставила передо мной три пары. Светлые туфли выглядели красиво и совершенно не подходили для трёх дней дороги. У второй пары был каблук, на котором я согласилась бы пройти от экипажа до двери — при условии, что дверь близко.

Я взяла третью: закрытые тёмные туфли из мягкой кожи, с невысоким широким каблучком. Прошла в них до окна и обратно. Ничего не натирало.

— Эти.

— Вы даже не посмотрели, подходят ли они к платью.

— Я проверила более важное.

На Земле я давно перестала покупать обувь с расчётом «потом разношу». Здесь мне предстояло ходить по незнакомому городу в теле, которое пока уставало раньше меня. Я поставила туфли рядом с дорожным сундуком.

— Если у Лианы есть ещё такие, берите обе пары.

Мара посмотрела на обувь, потом на меня, но спорить не стала.

Кайрен ждал меня в холле возле входа.

Рядом стояли дорожные сундуки, слуги выносили последние вещи, а через открытую дверь в дом тянуло прохладным влажным воздухом.

Я остановилась на лестнице, и Кайрен поднял голову. За несколько дней я почти привыкла к тому, что тело замечает его раньше сознания. Теперь я реагировала на этот отклик

спокойнее, чем при первой встрече, хотя он никуда не исчез: под грудью разлилось тепло, а внимание сразу сосредоточилось на мужчине внизу.

Меня это всё ещё раздражало, хотя теперь уже не пугало так сильно.

Я спустилась.

— Мне сказали, что запись о разводе уже внесли, — сказал Кайрен.

— Мне сообщили тем, что впервые назвали госпожой Вейр.

— Значит, подтверждение пришло раньше, чем я ожидал.

— Получается, теперь всё официально.

Он некоторое время смотрел на меня.

— Да.

Формально этот человек больше не был мужем Лианы.

Для меня он никогда мужем не был.

Но тело, в котором я стояла перед ним, прожило рядом с ним несколько лет, и с каждым днём мне становилось сложнее удерживать эти две реальности одновременно.

С завершением развода самостоятельное управление активами Вейров возвращалось мне. «Белый грифон» переставал быть строкой в папке: теперь отвечать за него предстояло мне.

— Экипаж готов, — сказал Кайрен. — Если погода не испортится, дорога займёт около трёх дней. На обеих остановках для тебя уже подготовлены комнаты.

— Вы это организовали?

— Поверенный попросил мою канцелярию помочь с дорогой ещё до того, как развод был завершён.

— Я могла бы сама заказать комнаты.

— Знаю. Всё было сделано раньше, чем я понял, насколько тебе сейчас важно самой контролировать такие вещи.

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но передумала.

Он не запрещал мне ехать и не пытался объяснить, что без него я не справлюсь.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо.

— Пожалуйста.

Наверное, это был самый мирный разговор между нами, и оттого стало немного неловко.

Я посмотрела на сундуки.

— Часть украшений я оставила наверху. В основном ваши подарки.

Кайрен нахмурился.

— Ты возвращаешь их мне?

— Нет. Я просто не хочу брать вещи, смысл которых не помню. Они останутся в моих комнатах, пока я не решу, нужны ли они мне вообще.

Он едва заметно расслабился.

— Понятно.

Кайрен посмотрел на меня так, будто хотел что-то сказать.

— Что?

Он отвёл взгляд к двери.

— Раньше, когда ты куда-нибудь уезжала, я всегда просил написать сразу после приезда.

Эта бытовая привычка задела неожиданно сильно. Возможно, когда-то их брак и состоял из таких мелочей — до болезни, Мирель и развода.

— Можете попросить и сейчас.

— Это будет странно.

— Думаю, страннее уже не станет.

Его губы едва заметно дрогнули.

— Тогда сообщи поверенному, когда доберёшься. Он всё равно будет ждать подтверждения.

— Осторожный компромисс.

— Зато не требует делать вид, что всё осталось как раньше.

— Справедливо.

Кайрен задержал на мне взгляд.

— Береги себя, Ли...

Он оборвал слово.

Я услышала только начало.

Он мог просто начать моё имя и почему-то остановиться. Но выражение его лица заставило меня заподозрить другое — слишком привычное обращение, которое раньше принадлежало только им двоим.

Кайрен сжал губы.

— Береги себя, — повторил он.

Я не спросила, как именно он собирался меня назвать.

Не хотела знать.

По крайней мере, пока.

Когда я вышла на улицу, дождь перешёл в редкую морось.

Перед домом стоял закрытый дорожный экипаж, достаточно просторный для долгой поездки. Два сундука уже закрепили сзади, небольшой саквояж положили внутрь. Поверенный организовал кучеров и сопровождающего, который отвечал за лошадей и багаж.

К моему облегчению, никто из них не был лично знаком с Лианой.

Мара ехать со мной не собиралась: её наняли присматривать за мной лишь на время лечения.

Поверенный предлагал нанять мне личную служанку для дороги и оставить её при мне в Ренвале. Судя по его реакции, для баронессы Вейр это было само собой разумеющимся. Я сказала, что выберу человека после приезда, когда пойму, как устроена гостиница.

Это была правда, хотя и не вся. На Земле я жила одна и не привыкла к тому, что кто-то входит в мою комнату, разбирает одежду и знает, когда я сплю, а когда сижу над бумагами. Здесь среди этих бумаг были записи об Анне Соколовой. Я пока не доверяла никому настолько, чтобы держать этого человека рядом каждый день.

Если понадобится помощь, я смогу попросить горничную. А если пойму, что одной не справиться, найму служанку сама.

— Вы уверены, что справитесь? — спросила она уже, кажется, в третий раз.

— Нет. Но если ждать полной уверенности, можно вообще никуда не уехать.

Она вздохнула.

Я взяла её за руку. Жест оказался неожиданным для нас обеих.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не задавали слишком много вопросов.

— Я задавала достаточно.

— Тогда за то, что не все вслух.

Мара улыбнулась.

— Напишите, если понадобится помощь.

Само слово «напишите» неожиданно сильно задело.

На Земле я сообщила бы подруге о выезде одним коротким сообщением, потом отправила фотографию дороги, пожаловалась на кофе на заправке и получила в ответ снимок кота, который демонстративно лежит на моей подушке.

Здесь письмо могло идти несколько дней.

— Напишу, — сказала я.

Я отпустила руку Мары и подошла к экипажу.

Ступенька оказалась выше, чем я ожидала. Я поставила ногу, взялась за ручку, и перед глазами на секунду потемнело.

Этого оказалось достаточно.

Нога соскользнула.

Я не успела даже испугаться, потому что чьи-то руки мгновенно удержали меня за талию и локоть.

Кайрен.

Он оказался настолько близко, что несколько секунд я слышала в основном собственное дыхание.

Тело отреагировало сразу — не воспоминанием и не чувствами, которые принадлежали мне, а глубоким физическим узнаванием.

Его ладонь лежала на талии так уверенно, словно раньше оказывалась там сотни раз. Вторая рука поддерживала локоть, и мне не пришлось думать, как перенести вес. Тело уже знало, как опираться на этого человека.

Хуже всего было то, насколько естественным казалось желание чуть податься к нему.

Я остановила движение не сразу.

Несколько секунд Кайрен продолжал меня удерживать.

Лицо оказалось совсем близко. Я заметила тёмный ободок вокруг золотистых глаз, усталость возле рта и то, как изменилось его выражение.

На секунду мне показалось, что он тоже почувствовал отклик — хотя, возможно, просто вспомнил привычное движение. Я не могла знать наверняка.

Под грудью стало горячо, пульс ускорился, а тело словно ждало продолжения, которого я не выбирала.

Я выпрямилась первой.

Кайрен сразу убрал руку с моей талии.

— Голова кружится?

— Уже прошло.

— Может быть, всё-таки перенести поездку на завтра?

— Нет. Мы будем останавливаться. Если мне станет хуже, задержимся.

Кайрен несколько секунд изучал моё лицо.

— Хорошо. Но если почувствуешь себя плохо, не пытайся приехать к определённому часу только потому, что маршрут уже составлен.

— Договорились.

Я снова взялась за ручку экипажа.

— И всё-таки будь осторожнее.

Мне почти захотелось рассмеяться от абсурдности ситуации. Несколько дней назад этот мужчина приехал завершить развод, а теперь стоял под дождём и следил, чтобы я не упала возле кареты.

Но я уже понимала, что одно другому не противоречит.

Можно решить закончить отношения и не перестать беспокоиться о человеке в тот же момент.

Я видела это даже в собственной земной жизни.

— Постараюсь, — ответила я. — И вы тоже берегите себя.

Кайрен кивнул.

Я села в экипаж, и дверца закрылась. Через окно я видела Мару возле ступеней и Кайрена немного дальше. Когда лошади тронулись, никто не стал махать рукой.

И это почему-то показалось правильным.

Первые часы дороги были почти приятными по простой причине: впервые после пробуждения рядом не было никого, кто знал Лиану и ожидал от меня определённого поведения.

Кучер находился снаружи, сопровождающий ехал впереди. Никто не следил, как я держу чашку, не удивлялся моему «вы» и не ждал знакомого имени.

Можно было просто молчать.

Керн постепенно исчез за окном: каменные улицы сменились складами и мастерскими, потом мокрыми полями.

И тогда одиночество перестало быть приятным.

На Земле я любила ездить одна, но там «одна» не означало полной недоступности знакомого мира: телефон, подруга, карта, погода, гостиница — всё было на расстоянии нескольких касаний. Здесь оставались бумажная карта, два адреса и кучер, которому приходилось доверять, потому что дороги я не знала.

Если время на Земле шло так же, Лена уже должна была понять, что после операции случилось что-то ненормальное.

Что она увидела, когда приехала? Моё тело могло не прийти в сознание — или проснуться с женщиной, которая выглядит как я и ничего о ней не знает. О худшем варианте я старалась думать как можно реже.

Я заставила себя остановиться. Любая версия оставалась только версией; превращать страх в факт было бессмысленно.

Вместо этого подумала о коте. Если случилось худшее, подруга его заберёт, купит не тот корм, выслушает демонстративное возмущение и через десять минут увидит пустую миску.

Я почти улыбнулась — и тут же стало тяжелее: эта обычная жизнь могла продолжаться где-то без меня.

Я автоматически потянулась к сумке, будто там лежал телефон, но пальцы наткнулись на папку «Белого грифона».

Работа всегда была моим способом переживать ситуации, которые нельзя решить немедленно. Не самым здоровым, зато эффективным.

Я открыла папку.

К вечеру первого дня голова разболелась настолько, что гостиничные цифры перестали складываться в осмысленную картину, и мне пришлось закрыть папку.

Дорожный дом оказался небольшим, но чистым и вполне удобным. Благодаря предварительной договорённости мне не пришлось объяснять ни имя, ни положение, ни почему женщина моего статуса путешествует без привычной свиты.

И, к собственному удивлению, я не стала злиться из-за того, что остановку организовал Кайрен. Удобство оставалось удобством независимо от того, кто его обеспечил.

На следующий день я решила меньше читать и больше смотреть по сторонам. Альве-рия постепенно переставала казаться исторической декорацией, в которую зачем-то добавили магию.

На станциях горели светильники без пламени; рабочие проверяли металлические столбы, между которыми тянулась голубоватая линия; в опорах большого моста мерцали знаки.

У одного из столбов рабочий сверял показания прибора, пока второй ждал с инструментами. Я так и не поняла, что они проверяли, но вид у них был совершенно будничным: два человека обслуживали систему, от которой зависела дорога.

Назначения большей части увиденного я не знала, и это хорошо напоминало: экипажи и отсутствие привычного электричества ещё не означают примитивного общества. Магия здесь выполняла функции сложной инфраструктуры.

На второй вечер я снова открыла папку гостиницы и выписала вопросы: управление персоналом, закупки, ремонт, жалобы, расходы, загрузка, условия кредита.

Отдельно записала: никаких серьёзных изменений до осмотра гостиницы и хотя бы нескольких дней наблюдения. Я уже ошибалась в местных документах и не собиралась доказывать себе компетентность новой ошибкой.

На третий день дорога начала утомлять по-настоящему: заболела спина, вернулась слабость, несколько остановок пришлось растянуть.

Меня это раздражало. Хотелось наконец увидеть гостиницу и проверить, действительно ли всё настолько плохо, как выглядит на бумаге.

К вечеру дорога стала шире, экипажей прибавилось, и впереди показался Ренваль.

Над крышами Ренваля поднимались несколько высоких башен, между ними на фоне заката тянулись тонкие линии.

Город был меньше Керна, но совсем не тихий: торговые повозки, экипажи, путешественники с багажом, рабочие и служащие заполняли улицы.

Если через Ренваль проходило столько людей, тридцатипроцентная загрузка «Белого грифона» требовала объяснения.

По дороге мы миновали несколько мест для ночлега: дешёвое, совсем маленькое и вполне приличную гостиницу с обновлённым фасадом.

Конкуренты существовали и, судя по виду, не бедствовали. Значит, проблема «Белого грифона» вряд ли сводилась к отсутствию спроса.

— Долго ещё? — спросила я через окошко.

Кучер обернулся.

— Минут десять, госпожа.

Город становился заметно богаче. Склады и мастерские остались позади, вокруг появились магазины, кофейни, конторы и большие жилые дома.

Экипаж свернул на другую улицу.

Вывеску я увидела раньше самого здания.

Белый грифон с расправленными крыльями когда-то, вероятно, действительно был белым. Теперь краска потемнела, а одна сторона вывески заметно просела.

Через несколько секунд показался фасад.

Я замолчала: здание было красивым, и оттого его состояние раздражало ещё сильнее.

Три этажа светлого камня, высокие окна, широкий вход, небольшие декоративные башенки по углам и старый герб Вейров над дверью. При нормальном уходе это место могло выглядеть дорого и солидно.

Сейчас на оконных рамах облупилась краска, под одним водостоком по камню тянулось тёмное пятно, часть букв на боковой вывеске выцвела, а ковёр у входа выглядел так, словно его давно пора было либо почистить, либо с почестями похоронить.

Экипаж остановился.

Я ещё несколько секунд смотрела на здание.

Тридцать два номера, хорошее расположение и явно приличная основа — на бумаге я не ошиблась. Здесь действительно было что спасать.

Оставалось понять, насколько глубока проблема.

Дверь открыли не сразу. Молодой служащий выбежал наружу и едва не столкнулся с сопровождающим, снимавшим багаж.

— Госпожа Вейр?

— Да.

По его лицу было ясно: о приезде знали, но ждали меня завтра.

— Значит, мне особенно повезло увидеть гостиницу без подготовки.

В холле опасения подтвердились. Красивое пространство — высокий потолок, широкая лестница, большие окна, тяжёлая стойка — соседствовало с потёртой мебелью, пятном на кресле, неполированной латунью, увядшими цветами и запахом сырости.

Персонала при этом было много, а мой багаж всё ещё стоял у двери.

Я уже собиралась спросить про управляющего, когда у стойки раздался раздражённый мужской голос.

— Мне второй раз предлагают подождать. Я хотел бы наконец понять, чего именно.

У стойки стоял мужчина примерно пятидесяти лет в дорогом дорожном плаще. Перед ним находился молодой служащий, выглядевший так, будто мечтает исчезнуть.

— Господин, мастер уже извещён, — сказал он.

— Когда вы исправите проблему?

Служащий замялся.

— Давайте проще. В моей комнате с утра холодно, защитная панель не работает. Сначала мне сказали, что придёт человек из хозяйственной службы, потом выяснилось, что нужен специалист по магической системе. Сейчас вы говорите, что мастер извещён. Мне не нужен ещё один пересказ. Мне нужно понять, кто отвечает за проблему и когда она будет решена.

Я посмотрела на служащего, потом на двух работников, которые очень старательно делали вид, что разговор их не касается.

Вот и первая проверка.

Я повернулась к молодому человеку, встречавшему меня у входа.

— Кто отвечает за жалобу после того, как гость её сообщил?

— Обычно управляющий.

— Где он?

— Сейчас узнаю.

— Позовите его.

Я подошла к стойке.

Мужчина в дорожном плаще вопросительно посмотрел на меня.

— Добрый вечер. Простите, что вам пришлось несколько раз объяснять одно и то же. Лиана Вейр, владелица гостиницы. Я приехала несколько минут назад, поэтому пока не знаю, почему проблема не решена, но могу назначить одного ответственного.

Служащего звали Тевен. Он объяснил, что хозяйственной частью занимается Оррен, а при неисправности самой защитной панели потребуется мастер.

— Оррен отвечает за хозяйственную часть. Но если дело действительно в защитной панели, ему всё равно понадобится мастер.

— Хорошо. Пусть сначала посмотрит Оррен. Если понадобится мастер, он же его вызовет и проследит за ремонтом. Гостю не нужно разбираться, какая именно служба должна решить нашу внутреннюю проблему.

Тевен быстро кивнул.

— Свободный номер такой же категории есть?

Он раскрыл книгу.

— Есть.

— Тогда пока подготовьте его. Если проблему нельзя устранить быстро, предложим переселение без доплаты.

Я понятия не имела, насколько это соответствовало местным правилам гостиничного бизнеса, но здравому смыслу — точно.

— Когда я узнаю результат? — спросил мужчина.

Я посмотрела на Тевена. На этот раз он понял вопрос сразу.

— Через четверть часа я лично поднимусь к вам и скажу, что удалось выяснить.

— Вот теперь звучит значительно лучше. Благодарю, госпожа Вейр.

— Поблагодарит, если мы действительно решим проблему.

Он ушёл к лестнице.

Когда он ушёл, я спросила Тевена:

— Часто жалобу передают от одного человека другому, а за результат никто не отвечает?

Он опустил глаза.

— Иногда.

— Тогда найдите Оррена и управляющего. С гостем продолжайте работать сами — вы уже пообещали ему ответ.

Когда он ушёл, я впервые заметила мужчину у дальней стены.

Он стоял возле кресла с книгой в руке и, судя по выражению лица, наблюдал достаточно давно.

Высокий, но не настолько, как Кайрен. Тёмно-русые волосы были аккуратно зачёсаны назад, только одна прядь выбилась у виска. Неровный нос, тонкий шрам возле правой брови и спокойные серо-зелёные глаза делали лицо скорее интересным, чем безупречно красивым.

Но заметила я его не из-за внешности. Он смотрел внимательно — не бесцеремонно и не с обычным любопытством постояльца, увидевшего приезд хозяйки, а скорее наблюдая и делая выводы.

Он закрыл книгу.

— Простите за любопытство. Вы новая управляющая?

Вопрос прозвучал настолько нормально, что мне понравился уже этим.

— Нет. Хозяйка.

На его лице появилось короткое удивление.

— Тогда прошу прощения. Я ожидал человека с управляющим, поверенным и половиной канцелярии.

— Разочарованы?

— Пока не успел.

Теперь он улыбнулся — не широко, но вполне заметно.

— Элиас Ренн.

— Лиана Вейр.

— Вы давно здесь?

— Несколько дней.

— Тогда один вопрос как независимому источнику. Здесь всегда так или мне особенно повезло сегодня?

Элиас оглянулся на стойку.

— Скажем так: проблем достаточно, чтобы вам не пришлось скучать.

— Это я уже заметила.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

В груди ничего не происходило.

Сердце не ускорялось без причины, тело не узнавало его присутствие и не пыталось подсказать мне, какое расстояние между нами считается привычным. Мне просто был интересен человек напротив — его ответы, взгляд и то, как быстро он понимал смысл вопроса.

После Кайрена эта нормальность ощущалась почти непривычно.

— Вы сказали, что находитесь здесь несколько дней. По работе?

— Частично.

— Чем занимаетесь?

Элиас помедлил.

— Государственной службой. В основном вопросами, связанными с магической инфраструктурой региона.

— И почему специалист по инфраструктуре живёт именно здесь?

— Потому что здесь был свободный номер.

— При тридцатипроцентной загрузке это действительно убедительный аргумент.

Элиас посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Вы уже знаете загрузку?

— Это моя гостиница. Было бы странно не знать хотя бы этого.

— Судя по тому, что я видел за последние несколько дней, здесь многие способны вас удивить.

Прежде чем я успела спросить, что именно он видел, у лестницы появился Тевен.

— Госпожа Вейр.

— Что случилось?

— Оррен уже в комнате. Он считает, что повреждено соединение защитной панели. Если быстро не получится исправить, гостю подготовят другой номер.

— Хорошо. Сообщите ему сами и потом скажите мне, чем всё закончилось.

— Да, госпожа.

Тевен ушёл. Я повернулась обратно. Элиас всё ещё стоял на месте.

— Теперь ваша очередь объяснять, почему вы на меня так смотрите.

— Я думал.

— Это я уже поняла. О чём?

Он не стал уходить от ответа.

— Вы приехали несколько минут назад, не знаете персонал и, вероятно, ещё даже не видели свою комнату, но первым делом попытались понять, кто конкретно отвечает за жалобу.

— Потому что до этого ответственного, похоже, не было. Вас это удивило?

— Немного.

— Почему?

Элиас посмотрел на стойку.

— Потому что некоторые люди успевают прожить здесь гораздо дольше и не замечают проблемы, пока она не касается лично их.

Фраза могла относиться только к гостинице — а могла и не только к ней.

— Мне всё равно придётся разобраться, — сказала я. — Лучше начать с того, что уже происходит перед глазами.

— Разумно.

— Я постараюсь запомнить, что вы иногда способны отвечать прямо.

— Не привыкайте.

На этот раз я рассмеялась — тихо, но совершенно искренне.

Элиас тоже улыбнулся.

В коридоре появилась женщина лет пятидесяти с напряжённым лицом, а за ней торопливо шёл мужчина в хорошем сюртуке. По выражению его лица я сразу догадалась, кто передо мной: управляющий.

Элиас заметил мой взгляд.

— Полагаю, вам пора работать.

— Похоже на то.

Он сделал шаг к лестнице.

— Господин Ренн. Вы всё-таки не ответили до конца. Насколько всё плохо?

Он посмотрел на приближающегося управляющего, затем снова на меня.

— Достаточно плохо, чтобы вам понадобилось терпение. Но не настолько, чтобы я уже искал другую гостиницу.

— Спасибо, теперь я знаю, что вы пока не собираетесь съезжать.

— Теперь придётся остаться хотя бы из любопытства.

Я чуть приподняла бровь.

— Надеюсь, вы платите за номер не любопытством.

— Пока исправно деньгами.

— Тогда можете наблюдать дальше.

Он кивнул и направился к лестнице.

Я проводила его взглядом чуть дольше, чем требовалось, — именно потому, что на этот раз тело ничего от меня не требовало.

Потом управляющий остановился передо мной и с заметным беспокойством произнёс:

— Госпожа Вейр, если бы нас предупредили, что вы прибудете сегодня, мы бы всё подготовили.

Я посмотрела на потёртое кресло, увядшие цветы и тёмное пятно сырости возле дальней стены.

— Вот поэтому я особенно рада, что не предупредили.

Он растерялся.

— Простите?

— Я хочу увидеть гостиницу такой, какой её каждый день видят гости. Завтра утром вы покажете мне отчёты и представите сотрудников, а сегодня я поужинаю, приму ванну и постараюсь не упасть от усталости. Думаю, с этим мы оба справимся.

— Конечно, госпожа.

— Отлично. Тогда начнём завтра.

Я поднялась по лестнице. После трёх дней дороги ноги дрожали, снова начинала болеть голова.

За спиной оставались гостиница с долгом, персонал без привычки отвечать за результат, управляющий, которого мне ещё предстояло узнать, и слишком внимательный государственный постоялец.

На ближайшее время работы хватало.

Глава 5.

Я проснулась раньше, чем рассвело, несколько секунд смотрела на незнакомый потолок — и память вернулась.

Ренваль. «Белый грифон». Первая ночь в гостинице, которая юридически принадлежала Лиане Вейр, несколько лет приносила убытки и теперь становилась моей проблемой уже не на бумаге.

До завтрака оставалось больше часа. Разумнее было снова лечь, особенно после дороги, но стоило вспомнить вчерашний холл, нерешённую жалобу и лицо управляющего при моём неожиданном приезде, как сон исчез.

Я умылась и достала самое простое из привезённых платьев. Пока находила нужные застёжки, дважды повернула его в руках. Местная мода явно не предполагала, что женщина захочет одеваться без помощи.

Наконец платье оказалось на мне. Я наклонилась за туфлями, и край юбки скользнул под ногу. Пришлось выпрямиться, подобрать ткань одной рукой и попробовать снова.

На Земле я могла одеться для работы почти не думая об этом. Здесь даже в самом удобном платье нужно было помнить, куда деть юбку, прежде чем присесть или подняться по лестнице. За неделю я научилась справляться с застёжками. До привычки было ещё далеко.

Я обула выбранные перед отъездом тёмные туфли и вышла в пустой коридор.

Ещё недавно я бы остановилась у лампы без пламени. Сегодня больше интересовал запах еды на жилом этаже, хотя кухня находилась значительно ниже.

Я пошла на запах.

В тишине гостиница производила гораздо лучшее впечатление, чем вечером.

Без гостей, служащих и постоянного движения становилось видно, каким хорошим местом «Белый грифон» когда-то задумывался. Широкие лестничные пролёты, высокие окна, удобные коридоры и служебные проходы были спланированы разумно. Дорогие номера находились в более тихой части здания, обычные располагались ближе к основной лестнице, а персонал мог перемещаться между этажами, не пересекаясь постоянно с постояльцами.

Кто-то когда-то действительно хорошо продумал эту гостиницу.

Проблемы появились потом.

На втором этаже я нашла потемневший участок стены возле окна, в конце коридора неприятно скрипела половица, а возле служебной двери стояла корзина с использованным бельём, которую, судя по всему, забыли забрать вечером. В кладовой было чисто, но коробки и свёртки стояли настолько тесно, что добраться до нижних можно было только переставив половину верхних.

Я ничего не трогала и пока не пыталась исправлять. Только записывала.

Блокнот пришлось завести ещё в Керне. Почерк по-прежнему принадлежал руке Лианы, однако после недели в её теле я уже не останавливалась на этой мысли каждый раз, когда брала перо.

До кухни я добралась по запаху кофе.

Дверь оказалась приоткрыта. Внутри уже работали несколько человек: две женщины занимались овощами, молодой парень носил воду, у большой плиты мужчина что-то недовольно объяснял помощнику, а по всей кухне гремела посуда и пахло хлебом.

И кофе.

Настоящим.

Я сделала шаг внутрь и почти сразу увидела Элиаса.

Он сидел за небольшим столом у стены с чашкой в руке и читал бумаги, разложенные перед собой.

Я остановилась.

— Я начинаю подозревать, что государственные специалисты по магической инфраструктуре проверяют гостиничные кухни до рассвета.

Элиас посмотрел на часы.

— До рассвета не успел. Я всего лишь хотел кофе до завтрака.

— И вас просто пустили?

— Я попросил.

Одна из женщин за рабочим столом тихо усмехнулась.

— Господин Ренн спросил, можно ли ему налить кофе, госпожа.

Я снова перевела взгляд на Элиаса.

— Впечатляющая настойчивость.

— Я стараюсь не злоупотреблять служебным положением ради напитков.

Возле его чашки стоял кофейник. Элиас заметил мой взгляд и приподнял его.

— Будете?

Он налил мне чашку.

Я села напротив, сделала глоток и едва не закрыла глаза от удовольствия. Кофе был крепким, слишком горячим и удивительно нормальным, а за последние дни именно нормальные вещи почему-то радовали особенно сильно.

Элиас наблюдал за мной.

— Настолько хороший?

— Скорее очень своевременный.

После последней недели я особенно ценю проблемы, которые можно решить одной чашкой кофе.

Я сделала ещё один глоток и вдруг заметила, что рядом с ним совершенно спокойна.

Никакого тепла в груди, необъяснимого узнавания или внезапной реакции тела, которую потом приходилось отделять от собственных мыслей. Мне просто нравилось разговаривать с мужчиной, который понимал шутки, отвечал без лишнего пафоса и ничего от меня не ожидал только потому, что когда-то знал Лиану.

На этом я решила остановиться: анализировать собственные ощущения во время утреннего кофе было рановато.

— Вы всегда так рано встаёте? — спросила я.

— Когда работаю.

— А сейчас вы работаете?

Элиас задумался.

— Частично.

— Вчера вы отвечали примерно так же.

— Значит, я последователен.

— Надеюсь, после второй чашки вы становитесь разговорчивее.

— Вы пьёте первую вместо меня.

— У хозяйки гостиницы должны быть хоть какие-то преимущества.

— Начинаю понимать, зачем вы сюда приехали.

Я подняла глаза. Элиас чуть помедлил.

— Вчера вы вышли из экипажа после трёх дней дороги и первым делом начали разбираться с чужой жалобой. На человека, которого просто привезли посмотреть на родовое имущество, вы не очень похожи.

Логично — и всё же он замечал больше, чем хотелось бы.

Со стороны кухни раздался звон разбившейся посуды.

— Лес, тарелки нужны в столовой! — раздражённо сказала одна из женщин.

— А мне сказали нести их наверх.

— Кто?

Парень растерянно оглянулся. Никто не ответил.

Я поставила чашку.

— Похоже, завтрак начинается.

Элиас сложил бумаги.

— Мне лучше уйти?

На кухне уже выясняли судьбу тарелок, хлеба и какого-то подноса.

— Пока можете остаться. Если повезёт, станете свидетелем просто завтрака.

Через двадцать минут стало ясно, что вчерашняя история с неисправной защитной панелью была не случайностью.

Завтрак здесь не столько организовывали, сколько надеялись, что он каким-то образом произойдёт сам.

В столовой сидело около двадцати гостей, ещё несколько попросили принести еду в комнаты. Кухня приготовила значительно больше, но никто не мог быстро ответить, сколько человек действительно собираются завтракать, какие заказы уже ушли наверх и что изменилось с вечера.

Один официант не вышел на работу. Старшая официантка пыталась одновременно принимать заказы, контролировать подачу и объяснять помощнику, какие блюда куда нести. На кухне утверждали, что список заказов передали ещё вчера, на стойке говорили, что утром появились изменения, а обновлённого списка никто не составил.

Повар сердился на официантов, официанты винили стойку, а стойка пока даже не знала, что стала центром общего недовольства.

Хотелось вмешаться сразу, но я слишком хорошо знала эту ловушку. Если прийти в плохо работающую систему и начать перестраивать её до того, как понимаешь причины сбоев, легко создать новый беспорядок поверх старого и потом долго выдавать его за реформу.

Поэтому сначала я смотрела.

Элиас остался возле двери кухни с чашкой кофе. Он тоже не вмешивался, но иногда наши взгляды встречались, и по его выражению было видно, что происходящее его не удивляет.

Из столовой донёсся недовольный голос:

— Простите, мы уже четверть часа ждём хлеб.

Старшая официантка остановилась с подносом.

— Сейчас принесу.

— Вы это десять минут назад говорили.

Девушка покраснела.

Со стороны лестницы появился Тевен.

— Доброе утро. Кто сегодня координирует завтрак?

Он растерялся.

— Повар?

— Повар отвечает за приготовление еды. Кто следит, чтобы кухня знала количество заказов, официанты понимали, что нести, а гости получили всё вовремя?

Тевен задумался.

— Старшая официантка отвечает за зал.

— Я спрашиваю не про зал отдельно. Кто отвечает за весь процесс?

Он не ответил.

— Хорошо. Кто знает полный список заказов в комнаты?

Тевен посмотрел в сторону кухни.

Молодой парень возле осколков неуверенно произнёс:

— Вчера список был на стойке.

— А сегодняшний?

— Наверное, тоже там.

Я повернулась к Тевену.

— Принесите его и проверьте, какие изменения появились утром. Сегодня до конца завтрака вы будете следить только за заказами в комнаты и сообщать кухне, что действительно нужно приготовить.

Тевен кивнул. Я посмотрела в сторону столовой.

— Как зовут старшую официантку?

— Нера.

— Кто может временно помочь ей в зале?

— Девушка со стойки иногда помогает.

— Пусть помогает ближайшие полчаса. Потом разберёмся, почему отсутствие одного официанта оказалось достаточно, чтобы всё начало разваливаться.

Я подошла к повару. Он был крупным мужчиной лет сорока и смотрел на происходящий хаос с выражением человека, давно решившего, что его кухня здесь ни при чём.

— Сколько человек вы сегодня кормите?

— По вчерашнему списку двадцать шесть.

— Сколько реально подтвердили завтрак сегодня утром?

— Стойка должна сообщать изменения.

— Но не сообщила. Тогда пока остановите то, что ещё не начали готовить, и сначала отдайте готовое. Я хочу увидеть, сколько еды действительно будет использовано.

— Мы всегда готовим весь объём заранее. Иначе потом один попросит это, другой другое, и кухня не успевает.

— Возможно, это разумно. Я пока не знаю ваших обычных объёмов списания и остатков, поэтому ничего не меняю. Сегодня мне просто хочется увидеть, сколько приготовленной еды действительно будет использовано.

Он чуть нахмурился.

— У нас остатки не пропадают.

— Хорошо. Тогда позже покажете, как вы их учитываете и куда они идут.

Повар кивнул.

Выводы делать было рано. Остатки могли использовать для питания персонала, переносить на другие приёмы пищи или учитывать каким-то местным способом, которого я просто не знала.

Мне нужны были данные, а не подозрения.

Через некоторое время шум стал больше похож на работу.

Далеко не идеальную. Одна чашка всё-таки разбилась, два заказа наверх ушли не в том порядке, а один гость отказался от остывшей каши. Но теперь Нера работала с залом, Тевен следил за заказами в комнаты, а повар получал информацию от одного человека, а не от всех сразу.

Я вернулась к двери кухни.

Элиас всё ещё был там.

— Вы давно допили кофе.

— Давно.

— Тогда почему не ушли?

— Вы говорили про независимого свидетеля.

В этот момент из столовой выглянула Нера.

— Господин Ренн, простите, вы не могли бы передать кофейник на четвёртый стол? Я сейчас не успеваю.

Она произнесла просьбу машинально и только потом поняла, что обращается к постоянцу.

— Ой. Простите, я...

Элиас уже взял кофейник.

— У окна?

— Да.

— Хорошо.

Он отнёс его в столовую и через минуту вернулся.

Я проводила его взглядом.

— Вы только что работали в моей гостинице.

— Я перенёс кофейник.

— Всё начинается именно так. Сегодня кофейник, завтра получите форму.

Элиас рассмеялся — не просто улыбнулся, как вчера, а действительно рассмеялся, и лицо сразу стало менее закрытым. Я невольно задержала на нём взгляд чуть дольше, чем собиралась.

— Похоже, завтрак мы пережили. Теперь мне пора поговорить с человеком, который должен был организовать всё это без моего участия.

— С управляющим?

— Именно.

— Тогда удачи. После сегодняшнего утра, пожалуй, ему.

Управляющего звали Гаррет Мольн.

Ему было чуть больше пятидесяти, и первые десять минут разговора он явно пытался одновременно быть вежливым, объяснить происходящее и понять, насколько серьёзно я собираюсь вмешиваться в работу гостиницы.

Его кабинет находился на первом этаже. Комната выглядела лучше некоторых гостевых помещений, но ничего роскошного в ней не было: старый добротный стол, несколько шкафов с документами, аккуратно зашитая обивка кресел и два окна во двор.

Комната скорее напоминала пространство человека, который проводил здесь много лет и привык поддерживать хотя бы собственный рабочий угол в порядке.

— Сегодняшнее утро получилось неудачным, — начал он. — Один человек не вышел, старшая официантка не успела перераспределить работу. Обычно спокойнее.

— Я не собираюсь судить гостиницу по одному утру. Но оно показывает, какие вопросы стоит задать.

Я открыла блокнот.

— По отчётам численность персонала почти не менялась два года, а отсутствие одного официанта стало серьёзной проблемой. Мне нужны фактический штат по подразделениям, смены и реальный выход людей.

— Старому зданию нужен большой штат: прачечная, кухня, хозяйственная служба, защитные системы.

— Возможно. Именно поэтому нужны цифры. Если документы под рукой — сегодня, если нет — завтра утром.

Мольн кивнул.

— Теперь кухня. Почему при загрузке около тридцати процентов расходы на продукты почти не снижаются?

— Цены сильно выросли, особенно на мясо, масло, муку и привозные продукты.

— Тогда мне нужны счета и договоры с основными поставщиками хотя бы за полгода.

— Этим занимается Норен Фальк, наш закупщик. Он давно работает с поставщиками и хорошо знает текущие цены.

— Завтра познакомьте нас. Сначала я посмотрю документы и систему закупок.

— Я велю Норену подготовить вам сводку, — сказал Мольн. — Вы вправе знать результат, конечно. Но разбирать каждую накладную баронессе не обязательно.

— Результат я уже видела в отчётах. Теперь хочу понять, как он получился.

Мольн кивнул и ещё раз отметил, что без Фалька последние годы было бы сложнее.

Я записала имя. Пока его уверенность в давнем сотруднике ничего не значила.

— Как вы определяете приоритет ремонта?

Мольн вздохнул.

— По срочности. Если проблема мешает использовать номер или касается защит, исправляем сразу. Косметику откладываем.

— Вчера защитная панель не работала с утра.

— Сообщение слишком долго передавали между хозяйственной службой и мастером. Оррен решил, что проблема в соединении, отправил заявку и счёл свою часть выполненной; на стойке решили так же. Мастер пришёл к вечеру.

— То есть каждый сделал свой участок, а за результат никто не отвечал.

Мольн поморщился.

— Получается так. Раньше руководителей на смене было больше, потом мы сокращались, обязанности смешивались.

— Где-нибудь зафиксировано, кто за что отвечает сейчас?

— Нет. Люди знают свою работу.

Я вспомнила утро.

— Не все.

— Видимо.

Я перевернула страницу.

— Где фиксируются жалобы гостей?

— На стойке есть книга.

— Все жалобы?

— Серьёзные.

— А что считается серьёзным?

— Обычно случаи, которые требуют компенсации, переселения, крупного ремонта или моего решения.

— Жалоба на вчерашнюю панель туда попала?

Мы попросили принести книгу. Вчерашней панели там не оказалось.

— Если проблема решена на месте, её вообще могут не записать?

— Да.

— Тогда по ней нельзя понять, сколько проблем реально возникает.

— Для этого она и не создавалась. Это скорее учёт серьёзных случаев.

— Понятно.

Я закрыла книгу.

Значит, пока передо мной была не плохая система учёта жалоб. Передо мной вообще не было системы, предназначенной для анализа качества. Но вводить новую после нескольких часов наблюдения было рано.

— Давайте сделаем так. Ничего постоянного пока не меняем. В течение ближайшей недели прошу отдельно записывать все обращения гостей, связанные с ремонтом или переселением, а также случаи, когда гостю приходится обращаться с одной и той же проблемой повторно.

Мольн после короткой паузы согласился.

— И подготовьте старые книги, которые сохранились.

— Хорошо.

Дальше Мольн провёл меня по служебным помещениям. Кухню я уже видела, поэтому начали с прачечной, потом спустились в хозяйственную часть, посмотрели кладовые и несколько свободных комнат.

У входа в хозяйственную часть Оррен открыл узкий шкаф в стене. За дверцей находились две пластины со знаками. Одна светилась ровно, на второй тускнел крайний знак.

— Это отопление? — спросила я.

— Часть системы. Мастер велел заменить пластину до холодов.

— Почему не заменили?

Мольн ответил раньше него:

— Она ещё работает.

Оррен закрыл дверцу, но не до конца: створка зацепилась за разбухший край.

— Пока работает, — сказал он.

Я посмотрела на потемневший знак. Тепло в комнатах создавалось магией, но спор о ремонте я знала по сотне земных гостиниц: заменить сейчас или ждать, пока гости начнут жаловаться.

— Сколько стоит пластина? И сколько будет стоить срочный ремонт, если она откажет в заполненном здании?

Мольн сказал, что поднимет счета. Оррен пообещал позвать мастера, чтобы тот проверил остальные соединения. Мне хотелось решить вопрос сразу, но без цены, состояния системы и сроков поставки решение было бы догадкой.

Объяснения повторялись: здание старое, ремонт дорогой, поставщики повышают цены, хороших работников трудно удерживать, гости стали требовательнее, а более новые гостиницы забрали часть постоянной клиентуры.

Всё это могло быть правдой.

Более того, значительная часть сказанного представлялась мне правдой.

Но внешние обстоятельства не объясняли внутренних сбоев.

Пока я видела не один большой провал, а множество маленьких решений, которые годами принимались по принципу «пока можно потерпеть».

Мольн не выглядел человеком, сознательно ведущим вверенную ему гостиницу к разорению.

Он выглядел человеком, который слишком давно привык к тому, что дела становятся хуже, и научился считать это естественным состоянием вещей.

Это было менее драматично, чем злой управляющий, и значительно труднее исправлялось.

К полудню тело наконец напомнило, что моё желание провести полноценный аудит не означает, что оно готово работать в том же темпе. Слабость накатилась почти внезапно, а вслед за ней появилось знакомое головокружение.

Пришлось пообедать и почти час провести у себя, дожидаясь, пока слабость пройдёт. Меня это раздражало, но проверять гостиницу из постели было бы ещё менее эффективно.

Отдыхать я пыталась честно, но через несколько минут попросила бумагу.

Поверенному написала первой: добралась до Ренваля, дорога прошла без новых приступов, к документам гостиницы уже приступила. Маре отправила отдельную записку. Поблагодарила за помощь и сообщила, что в «Белом грифоне» кормят хорошо, хотя с устройством самого дома ещё предстоит разобраться.

Третий лист я некоторое время держала перед собой. Кайрен просил известить о приезде поверенного. Ему самому писать я не обещала. Но вспомнила, как он придержал меня у экипажа и велел не гнаться за расписанием дороги.

«Я добралась благополучно. В Ренвале уже работаю. Самочувствие после поездки не ухудшилось».

Больше писать Кайрену я не стала. Сложила письма и попросила отправить их с ближайшим посыльным.

После обеда Мольн повёл меня на третий этаж, где находились самые дорогие номера.

Здесь всё выглядело заметно лучше: ковры были чище, мебель новее, двери ухоженнее, на небольших столиках стояли свежие цветы.

— Эти апартаменты снимают чиновники, состоятельные торговцы и старые семьи, — сказал Мольн.

— А загрузка?

— Низкая.

— Тогда почему цена прежняя?

— «Белый грифон» всегда держал уровень. Если сильно снизить цену лучших комнат, вернуть её будет трудно. Вы сами не хотели превращать гостиницу в дешёвое заведение.

— Я запрещаю снижать цены вообще или не хотела становиться дешёвой гостиницей?

Мольн задумался.

— Скорее второе.

— Это не одно и то же.

Менять цену я пока не собиралась. Сначала нужно было понять рынок, сезонность и конкурентов.

Мы пошли дальше.

Возле одной из дверей Мольн остановился.

— Здесь живёт господин Ренн.

— В одном из лучших номеров?

— Да. Четвёртый день, оплачивает полностью, если вы об этом.

Дверь открылась.

Элиас вышел в коридор без сюртука, только в светлой рубашке и тёмном жилете, держа в руках несколько листов.

Впервые я увидела его без сюртука и заметила, что сложен он крепче, чем казалось под строгой одеждой. Не массивно, но явно не как человек, проводящий всю жизнь исключительно за письменным столом.

Взгляд задержался на линии плеч.

— Добрый день, — сказал Элиас. — Инспекция добралась до моего этажа?

— Пока это только осмотр. Для инспекции я ещё слишком мало знаю.

— Значит, у гостиницы есть время подготовиться.

Мольн рядом с нами не улыбнулся.

Я уже собиралась идти дальше, когда заметила, что створка окна за спиной Элиаса слегка двигается от ветра.

— Вы оставили окно открытым?

Он оглянулся.

— Нет. Оно плохо закрывается.

Я посмотрела на Мольна. Тот нахмурился.

— Вы сообщали об этом?

— В первый вечер. Приходил человек, посмотрел и сказал, что нужен другой специалист.

Я вошла в комнату. Один засов входил в паз нормально, второй располагался немного выше, поэтому створка не прижималась полностью. По краю дерево было влажным.

— Все четыре дня так? — спросила я.

— Да, — ответил Элиас. — Защитная система справляется, только работает почти постоянно.

Я выпрямилась.

— И вы больше не жаловались?

— Я пожаловался один раз и предполагал, что дальше гостиница справится без моего административного руководства.

— Справедливое ожидание.

Мольн выглядел недовольным, но скорее собой и системой, чем Элиасом.

— Я выясню, у кого остановилась заявка.

— Не только где. Посмотрите, почему после осмотра никто не проверил результат. Мне важно понять, случайность это или обычный порядок.

Я не знала, как ремонтировать окно, и не собиралась изображать знание. Но к вечеру хотела понимать, кто должен был довести заявку до конца и почему этого не произошло.

На несколько секунд стало тихо. Я подняла голову.

Элиас смотрел на меня совсем иначе, чем утром: без прежнего лёгкого любопытства, серьёзнее. От этого взгляда стало неожиданно неловко.

Я выпрямилась до конца и обнаружила, что теперь стою почти вплотную к нему. Расстояние сократилось настолько естественно, что я заметила это не сразу.

Сначала взгляд зацепился за его руки, за длинные пальцы и тонкий шрам возле большого пальца, потом за линию плеч под жилетом. От него пахло бумагой, кофе и прохладным воздухом из плохо закрытого окна.

Никакой чужой памяти. Никакого магического отклика.

Просто мужчина стоял слишком близко, и я сама заметила, что он мне нравится.

Именно я.

Мысль оказалась неожиданнее ощущения.

Я сделала шаг назад чуть быстрее, чем собиралась. Элиас заметил — и, к счастью, ничего не сказал.

— Продолжим, — сказала я Мольну.

Через несколько шагов обнаружила, что улыбаюсь, и сосредоточилась на блокноте.

К вечеру гостиница утомила меня сильнее, чем три дня дороги.

Информации было слишком много, а хуже всего то, что почти каждая проблема по отдельности выглядела настолько незначительной, что её легко можно было откладывать годами: одно плохо закрывающееся окно, один сотрудник, не вышедший на смену, несколько незаписанных жалоб, лишняя еда после завтрака, отложенный ремонт, размытые обязанности.

Ни одной катастрофы.

Но гостиница и не разорялась за один день.

Она медленно теряла деньги, гостей и репутацию через десятки подобных мелочей.

После ужина у служебного коридора я услышала собственное имя и поняла, что за открытой дверью говорят обо мне.

— Она ненадолго. Через неделю уедет обратно в столицу.

— Почему?

— А что ей здесь делать? Раньше почти не приезжала. Теперь ещё развод.

— Тише.

— Все знают. У графа истинная появилась. А у госпожи опять был серьёзный приступ, говорят, после лечения с памятью плохо. Сегодня по кухне ходит, отчёты требует, а потом лекари снова скажут отдыхать.

Вторая женщина помолчала.

— Сегодня она нормально выглядела.

— Сегодня нормально.

Последние слова задели сильнее сплетен. Словно существовало ожидаемое завтра, когда Лиана снова станет человеком, решения которого можно не воспринимать всерьёз.

Я отошла от двери. Устраивать разнос за сплетни в первый день не хотелось; к тому же они, скорее всего, опирались на реальный опыт болезни Лианы.

Но последствия этой репутации теперь доставались мне.

Я вышла в холл.

Вечером он выглядел уютнее. Мягкий свет скрывал часть потёртостей, несколько гостей сидели в креслах, кто-то читал газету, возле стойки разговаривали вполголоса.

Я выбрала кресло у окна и села.

Хотелось уйти наверх, но я знала, что тогда разговор за дверью будет крутиться в голове ещё несколько часов.

— Окно починили.

Я повернулась.

Элиас стоял рядом.

— Уже?

— Оказалось, что для ремонта понадобилось меньше времени, чем для выяснения, кто должен его заказать.

— Очень в духе гостиницы.

Он показал на кресло напротив.

— Можно?

— Вы гость. Конечно, садитесь.

Несколько секунд мы молчали.

— Вы устали, — сказал он.

— Если бы вы сказали, что я прекрасно выгляжу, пришлось бы усомниться в вашей способности замечать очевидное.

— Значит, я выбрал правильную формулировку.

Я улыбнулась, но почти сразу посмотрела в окно.

— Что-то случилось?

Я помолчала.

— Вы знали, кто я, до моего приезда?

Элиас не ответил сразу. Я повернулась к нему.

— Вот эта пауза мне уже не нравится.

— Я думаю, какой ответ будет точным.

— Вы слышали о моём разводе?

— Да.

— О болезни?

— Тоже. Мне говорили, что владелица «Белого грифона» почти не занимается гостиницей, много лечится и разводится с графом Даррэном.

— И какой вы ожидали меня увидеть?

Элиас чуть откинулся в кресле.

— Предполагал, что вы приедете на несколько дней, поговорите с управляющим, подпишете бумаги и снова передадите дела тем, кто занимался ими раньше.

Ответ без попытки смягчить впечатление почему-то не раздражал.

— А теперь?

— Теперь я видел, как вы в первый вечер разобрались с жалобой, утром пришли на кухню раньше половины персонала, потом несколько часов ходили за Мольном и проверяли моё окно. Вы явно не собираетесь уезжать завтра.

— Не собираюсь.

— Почему выбрали именно эту гостиницу? У вас наверняка есть другие возможности.

Полную правду я не могла сказать даже приблизительно.

Мне нужна была гостиница, потому что я проснулась в чужом теле, не знала дороги домой и не собиралась продолжать жить в доме бывшего мужа женщины, за которую меня принимали.

Для человека, которого я знала меньше двух суток, такой откровенности было слишком много.

— Мне нужно место, где я смогу жить самостоятельно, — сказала я. — И желательно такое, где никто не сможет принимать за меня решения просто потому, что уверен, будто лучше знает, что мне нужно.

Несколько секунд он молчал. В его взгляде исчезло привычное любопытство. Осталось простое внимание.

— Для спокойной независимой жизни вам досталось довольно упрямое место.

Я посмотрела на потёртый холл.

— Наверное, поэтому подошло.

— Потому что вы тоже упрямая?

— Вы быстро делаете выводы.

— Двадцать минут слушал, как вы объясняли Мольну, зачем записывать повторные жалобы.

— И кто сдался первым?

— Мольн.

Элиас рассмеялся.

Некоторое время мы сидели молча.

Мне неожиданно не хотелось, чтобы разговор заканчивался.

Ничего особенного — просто с ним было приятно разговаривать.

Я уже собиралась спросить, как долго он собирается оставаться в Ренвале, когда из бокового коридора появился один из служащих.

— Господин Ренн, вы спрашивали про старые планы здания? Господин Мольн сказал, часть документов может быть в архивной комнате. Ключи поищут завтра.

Элиас почти незаметно собрался.

— Хорошо. Спасибо.

Служащий ушёл. Я повернулась к Элиасу.

— Старые планы гостиницы?

— Старые здания иногда сохраняют сведения о районной инфраструктуре, которых уже нет в городских архивах.

— И поэтому государственный специалист по магической инфраструктуре интересуется планами моего здания?

— В том числе поэтому.

Я прищурилась.

— Что именно вы ищете?

— Пока не знаю, сохранилось ли здесь что-нибудь полезное.

— Полезное для чего?

Элиас помолчал.

— Для работы.

Формулировка мне не понравилась не из-за грубости, а потому, что слишком хорошо напоминала людей, которые сами решают, когда другому уже пора что-то знать.

— Если это касается моего здания, кто решит, когда мне можно сообщить?

Элиас посмотрел на меня внимательнее.

— Справедливый вопрос.

— Но ответа не будет?

— Сегодня нет.

По крайней мере, честно.

Он поднялся.

— Доброй ночи, госпожа Вейр.

— Вы уходите именно сейчас потому, что я начала задавать неудобные вопросы?

— В том числе.

Элиас направился к лестнице.

Я смотрела ему вслед, пока он не поднялся на второй этаж и не исчез из виду.

Ничего конкретного он не подтвердил.

Он мог действительно проверять старую инфраструктуру всего района, использовать гостиничный архив как один из нескольких источников и жить здесь исключительно потому, что оказался свободный номер.

Каждое объяснение по отдельности звучало разумно.

Но мне всё равно не нравилось, как тщательно он отвечал только на те вопросы, которые выбирал сам.

За день я несколько раз напредила себе, что нельзя делать выводы по одному странному показателю. С людьми правило должно было быть тем же.

Я достала блокнот и добавила под гостиничными заметками ещё один вопрос.

Зачем Элиасу нужны старые планы «Белого грифона»?

До вчерашнего дня в основном он наблюдал за мной.

Теперь я собиралась внимательнее смотреть в ответ.

Глава 6.

На следующее утро я попросила Мольна после завтрака собрать в малой гостиной людей, которые принимают решения по номерам, стойке, залу, кухне, уборке, ремонту и закупкам.

— Всех руководителей служб? — уточнил он.

— Не обязательно руководителей. Сначала хочу увидеть вместе тех, через кого проходит ежедневная работа гостиницы.

— Их можно привести по очереди. Не придётся отрывать нескольких человек одновременно.

— По очереди я тоже поговорю. Но сначала задам всем одни и те же вопросы и посмотрю, совпадут ли ответы.

Мольн нахмурился.

— Вам кажется, что кто-то вас обманывает?

— Пока мне кажется, что одна жалоба четыре дня путешествовала по гостинице, а отсутствие одного официанта едва не сорвало завтрак. Я хочу понять, кто здесь с кем разговаривает, прежде чем решать, что менять.

Он кивнул, хотя смысл общего разговора по-прежнему казался ему странным.

Примерно через час я вошла в малую гостиную и сразу поняла, что совещания в «Белом грифоне» действительно не входили в привычный порядок работы.

Люди рассаживались так, словно их вызвали не для разговора, а для выяснения, кто виноват.

Мольн занял место ближе к окну. Нера, старшая официантка, села почти у двери, хотя именно она вчера фактически управляла залом. Тевен остался стоять, пока я не попросила его взять стул. Возле него устроилась сухощавая женщина лет пятидесяти, отвечавшая за горничных, а следом сел Оррен, ведавший хозяйственной частью и мелким ремонтом. Повар пришёл последним из тех, кого я уже видела, и выглядел так, будто моё решение собрать всех одновременно лично оскорбляло кухонный распорядок.

Седьмым оказался Норен Фальк.

Я впервые увидела закупщика, имя которого уже несколько раз встречала в документах. Ему было около сорока, он был аккуратно одет, двигался легко и сразу производил впечатление человека, привыкшего разговаривать с теми, от кого ему что-то нужно. Он поздоровался со мной без той осторожности, которую я видела у большей части персонала.

— Госпожа Вейр. Рад видеть вас в добром здравии.

— Спасибо. Мы раньше встречались?

Вопрос на секунду выбил его из ритма.

— Несколько раз. Правда, довольно давно.

— Тогда придётся знакомиться заново.

— Буду считать это возможностью произвести лучшее второе первое впечатление.

У него явно была привычка нравиться людям.

Когда все устроились, я посмотрела на Мольна.

— Вы раньше собирались вот так?

— В каком смысле?

— Одновременно. Управляющий, стойка, зал, кухня, горничные, закупки.

Он переглянулся с поваром.

— Обычно в этом нет необходимости. Если вопрос касается кухни, я обсуждаю его с кухней. Если номеров, то с теми, кто занимается этажами.

— А если он касается одновременно кухни, стойки и этажей?

— Тогда информация передаётся между службами.

Я вспомнила вчерашний завтрак.
— Уже заметила.
Нера опустила глаза.
Я не стала развивать тему.
— Хорошо. Начнём с сегодняшнего дня. Сколько сейчас занятых номеров?
Тевен ответил первым:
— Одиннадцать, — ответил Тевен.
— Двенадцать, — почти одновременно сказала старшая горничная.
Причина нашлась быстро: один гость должен был выехать утром, но вещи всё ещё оставались в комнате, а стойка продолжала считать его выезд запланированным.
— Значит, двенадцать, — признал Тевен.
Я записала.
— Сколько заездов сегодня?
— Четыре.
— Пять, — одновременно сказал Мольн.
Семья Корен предупредила его, что приедет на день раньше, но изменение до книги регистрации не дошло.
Я сделала ещё одну пометку.
— Хорошо. Какие комнаты сегодня нельзя продавать?
Старшая горничная ответила почти сразу:
— Семнадцатую, потому что там меняют матрас, двадцать третью из-за пятна на потолке и одну из угловых комнат третьего этажа.
Тевен покачал головой.
— Двадцать третья числится свободной.
— Она свободна, но там сыро после дождя.
— Мне об этом не говорили.
Мольн нахмурился.
Повар, до этого молчавший, вдруг спросил:
— А третья комната почему закрыта?
Все посмотрели на него.
Он пожал плечами.
— Я просто спросил.
— Потому что окно ремонтировали, — объяснила старшая горничная.
— Так его вчера починили, — сказал Тевен.
— Починили в комнате господина Ренна. Здесь другая.
Я записала и это.
Пять минут разговора дали больше полезной информации, чем часть вчерашних отчётов.
— Хорошо. Следующий вопрос. Какие жалобы были вчера?
Нера назвала холодную еду за завтраком.
Тевен вспомнил защитную панель.
Старшая горничная сказала про задержку с бельём в одном из номеров.
Мольн добавил проблему с окном Элиаса.
— Ещё что-нибудь?
Никто не ответил.
— Гость из двенадцатой комнаты дважды просил горячую воду, — сказал повар.
Я повернулась к нему.
— Откуда вы знаете?
— Его слуга пришёл на кухню ругаться, потому что на стойке никого не нашёл.
— И что вы сделали? — спросила я.

Повар пожал плечами.

— Отправил его в хозяйственную службу. Мы воду в номера не носим.

Тевен тихо выдохнул. Я подняла ладонь прежде чем начался спор.

— Я сейчас не ищу виноватого. Мне нужно понять, что произошло. В итоге гость получил то, что просил?

Никто не знал.

В комнате стало тихо.

Я закрыла блокнот.

— Вот поэтому мы здесь.

Люди напряглись.

Нера выпрямилась, старшая горничная поджала губы, Норен, наоборот, откинулся на спинку стула с выражением осторожного интереса.

— Я не собираюсь сегодня никого увольнять, штрафовать или разбираться, кто несколько месяцев назад неправильно передал сообщение. В ближайшие дни мне гораздо важнее услышать правду о том, как гостиница работает на самом деле, чем красивое объяснение того, как она должна работать.

Повар нахмурился.

— То есть за ошибки ничего не будет?

— За старые ошибки, о которых вы сами мне расскажете, я не собираюсь наказывать людей только потому, что узнала о них сегодня. Если кто-то завтра сознательно нарушит правила или причинит гостинице ущерб, это уже будет другая ситуация.

Нера едва заметно улыбнулась.

Мольну было не до улыбок.

— Госпожа Вейр, я не уверен, что правильно понимаю, чего вы хотите добиться.

— Хочу перестать получать пять разных ответов на один вопрос. Для начала мне этого достаточно.

Дальнейшие вопросы дали ту же картину. Стойка и горничные обе должны были знать загрузку, но пользовались разными данными. О закрытых номерах чаще сообщали устно. После ремонта никто не мог уверенно назвать человека, который проверяет, что проблема гостя действительно решена.

— Наверное, тот, кто принял жалобу, — сказала старшая горничная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.